Проф. Зигм. Фрейдъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ПСИХОАНАЛИЗА

ОДЕССА, 1919.

Проф. Зигм. Фрейдъ.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ПСИХОАНАЛИЗА

переводъ съ нѣмец. д-ра І. Л. Савранскаго
подъ редакціей д-ра М. В. Вульфа.

ОДЕССА, 1919.

Типографія, Пушкинская 39.

Fluctuat nec mergitur.
Jm Wappen der Staadt Paris.

Не должно удивляться субъективному характеру нижеслѣдующихъ „очерковъ по исторіи психоаналитическаго движенія“ и той роли, которая отведена въ нихъ моей личности. Потому что психоанализъ — мое твореніе. Въ теченіе десяти лѣтъ только я одинъ занимался имъ, и все неудовольствіе, вызванное у современниковъ этимъ новымъ явленіемъ, разразилось въ видѣ критики по моему адресу. Я считаю себя въ правѣ отстаивать ту точку зрѣнія, что еще и теперь, когда я уже давно пересталъ быть единственнымъ психоаналитикомъ, никто не можетъ лучше меня знать, что такое психоанализъ, чѣмъ онъ отличается отъ другихъ способовъ изслѣдованія душевной жизни, чему можетъ быть дано это названіе и что слѣдуетъ называть иначе. Отвергая то, что мнѣ кажется дерзкой узурпаціей, я даю нашимъ читателямъ косвенное объясненіе обстоятельствъ, которыя повели къ перемѣнѣ въ редакціи и внѣшности этого ежегодника.

Когда я въ 1909 году впервые получилъ возможность говорить публично о психоанализѣ съ каѳедры одного американскаго университета, взволнованный значеніемъ этого момента для моихъ стремленій, я объявилъ, что — не я вызвалъ къ жизни психоанализъ. Я приписалъ эту заслугу другому, І. Брейеру, отнеся ее ко времени, когда я еще студентомъ былъ занятъ государственными экзаменами (съ 1880 до 1882 г.)*)

Однако, я долженъ былъ согласиться съ возраженіемъ моихъ доброжелательныхъ друзей, что это выраженіе моей благодарности не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей. Я долженъ былъ бы, какъ и въ прежнихъ случаяхъ, указать на значеніе „катартическаго метода“. Брейера, какъ на предварительную ступень психоанализа, а началомъ самаго психоанализа считать тотъ моментъ, когда я, отбросивъ гипнотическую технику, ввелъ свободныя ассоціаціи.

Однако, въ сущности, совершенно безразлично: начинать ли исторію психоанализа съ „катартическаго метода“, или съ внесеннаго мною измѣненія послѣдняго. Я останавливаюсь на этой неинтересной подробности только потому, что

*) О психоанализѣ. Пять лекцій, читанныхъ по случаю двадцатилѣтняго юбилея Clark Univirsity in Uvreester Mass, посвященныхъ Stanley Hall. Второе изданіе. 1912 г. Одновременно по английски появились въ Amer. Yourn of Psychology. Marey, 1910 г.; переведены на голландскій, венгерскій, польскій и русскій.

нѣкоторые противники психоанализа не прочь при случаѣ напомнить, что вѣдь это искусство не мое изобрѣтеніе, а Брейера. Конечно это случается лишь тогда, когда они считают возможным признать въ психоанализѣ кое-что достойнымъ вниманья; если же ихъ отрицаніе не знаетъ никакихъ границъ, то психоанализъ признается безспорно моимъ твореніемъ. Я еще никогда не слыхалъ, чтобы большая доля участія Брейера въ психоанализѣ принесла ему соотвѣтствующую мѣру брани и порицанія. А такъ какъ я давно уже узналъ, что неизбѣжная участь психоанализа вызывать въ людяхъ озлобленіе и противорѣчіе, то я и заключилъ, что должно быть именно я положилъ начало всему, что составляетъ отличительныя черты психоанализа. Съ удовлетвореніемъ могу добавить, что ни одна попытка умалить мое участіе въ столь ославленномъ анализѣ не исходила отъ самого Брейера и не встрѣчала съ его стороны поддержки.

Содержаніе Брейерова открытія такъ часто излагалось, что излишне входить здѣсь въ обсужденіе его. Основное положеніе его состоитъ въ томъ, что симптомы у истерическихъ больныхъ зависятъ отъ потрясающихъ, но забытыхъ сценъ изъ ихъ жизни. Основанное на этомъ положеніи леченіе старается заставить больныхъ вспоминать эти переживанія въ гипнозѣ и воспроизводить ихъ (katharsis). Изъ этого вытекаетъ и часть теоріи о томъ, что эти симптомы соотвѣтствуютъ ненормальной связи опредѣленнаго количества неразрѣшенной энергіи возбужденія (конверсія).

Брейеръ при всякомъ упоминаніи о конверсіи въ своемъ теоретическомъ очеркѣ въ „Studien über Hysterie, ставилъ въ скобкахъ мое имя, какъ будто эта первая попытка теоретическаго обоснованія была исключительно моей духовной собственностью. Я думаю, что эта ссылка относится только къ номенклатурѣ, между тѣмъ какъ теоретическое пониманіе выяснилось для насъ обоихъ сообща.

Извѣстно также, что Брейеръ послѣ перваго опыта не примѣнялъ катартическаго леченія въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и взялся за него снова только послѣ того, какъ я, вернувшись отъ Шарко, побудилъ его къ этому. Онъ былъ въ качествѣ терапевта очень занятъ обширной врачебной практикой; я же неохотно сдѣлался врачемъ, но въ то время по нѣкоторымъ серьезнымъ причинамъ у меня явилось сильное желаніе помочь нервнымъ больнымъ или, по крайней мѣрѣ понимать кое-что въ ихъ состояніи. Я возлагалъ надежды на физикальную терапію, но оказался безпомощнымъ, вслѣдствіе разочарованій, которыя меня заставила пережить столь богатая совѣтами и назначеніями книга В. Эрба: „Elektrotherapie“. Если я тогда самостоятельно не дошелъ до принятаго позже, благодаря Мэбіусу взгляда, что успѣхи электрическаго леченія при нервныхъ разстройствахъ

основаны на внушеніи, то въ этомъ было виновато исключительно отсутствіе какихъ бы то ни было успѣховъ. Достаточной замѣной потерянной электротерапіи казалось тогда леченіе внушеніемъ въ глубокомъ гипнозѣ, съ которымъ я познакомился благодаря производившимъ большое впечатлѣніе демонстраціямъ Ліеболта и Бернгейма Но изслѣдованіе въ гипнозѣ, съ которымъ я познакомился благодаря Брейеру, должно было несравненно больше привлекать своимъ автоматическимъ дѣйствіемъ и одновременнымъ удовлетвореніемъ любознательности, чѣмъ однообразный и исключающій всякое изслѣдованіе запретъ посредствомъ внушенія.

Мы услышали недавно, въ видѣ одного изъ самыхъ послѣднихъ завоеваній психоанализа, требованіе выдвигать на первый планъ анализа настоящій конфликтъ и поводъ къ заболѣванію. Именно это мы и дѣлали съ Брейеромъ въ началѣ нашихъ работъ съ помощью катартическаго метода. Мы направляли вниманіе больного непосредственно на травматическую сцену, во время которой возникъ симптомъ, старались открыть въ ней психическій конфликтъ и освободить подавленный аффектъ. При этомъ мы открыли характерное для психическихъ процессовъ при неврозахъ явленіе, которое я назвалъ позднѣе „регрессіей". Ассоціаціи больного шли отъ сцены, которую желательно было объяснить, назадъ къ болѣе раннимъ переживаніямъ и принуждали анализъ, желавшій исправить настоящее, заниматься прошедшимъ. Эта регрессія вела все дальше назадъ, какъ казалось, сначала до періода первой юности, а потомъ неуспѣхи и пробѣлы въ пониманіи завлекали аналитическую работу въ болѣе ранніе годы дѣтства, которые были до тѣхъ поръ недоступны какому бы то ни было изслѣдованію. Это „обратное" направленіе стало важной характерной чертой анализа. Выяснилось, что психоанализъ не можетъ объяснить ничего настоящаго, не сведя его къ чему нибудь прошлому, - болѣе этого, что всякое патогенное переживаніе предполагаетъ другое, болѣе раннее, переживаніе, которое, не будучи само патогеннымъ, придаетъ позднѣйшему патогенныя свойства. Но искушеніе остаться при извѣстномъ актуальномъ поводѣ было такъ велико, что я поддавался ему еще при позднѣйшихъ анализахъ. Въ проведенномъ въ 1899 году леченіи паціентки, названной Дорой, мнѣ была извѣстна сцена, вызвавшая вспышку настоящаго заболѣванія. Безчисленное множество разъ старался я проанализировать это переживаніе и на всѣ мои требованія ни разу не услыхалъ ничего другого, какъ все одно и то же недостаточное и неполное описаніе Только послѣ обхода черезъ самое раннее дѣтство, у паціентки было сновидѣніе, при анализѣ котораго ей удалось вспомнить забытыя до того подробности

сцены, — что сдѣлало возможнымъ пониманіе и разрѣшеніе актуальнаго конфликта.

Изъ этого одного примѣра видно, какъ ошибочно выше упомянутое требованіе и какая громадная научная регрессія выражается въ этомъ совѣтѣ пренебречь регрессіей въ аналитической техникѣ.

Первое разногласіе между Брейеромъ и мной возникло въ вопросѣ о деталяхъ психическаго механизма истеріи. Онъ предпочиталъ еще, такъ сказать, физіологическую теорію, хотѣлъ объяснить душевное раздвоеніе истерическихъ больныхъ разобщеніемъ между различными душевными состояніями (или, какъ мы тогда говорили состояніями сознанія.) И создалъ такимъ образомъ теорію „гипноидныхъ состояній", послѣ которыхъ остаются какъ бы неассимилированныя чуждыя тѣла и торчатъ въ бодрствующемъ сознаніи. Я объяснялъ все менѣе научно, предполагая всюду тенденціи и наклонности, аналогичныя явленіямъ обыденной жизни, видя въ самомъ психическомъ раздвоеніи результатъ процесса отталкиванія, который я тогда назвалъ отраженіемъ позже — „вытѣсненіемъ" (Verdrängug). Я сдѣлалъ кратковременную попытку допустить одновременное существованіе обоихъ механизмовъ, но такъ какъ опытъ показывалъ мнѣ всегда одно и то же и только одно, то вскорѣ „гипноидной" теоріи Брейера было противопоставлено мое ученіе объ „отраженіи".

Однако, я вполнѣ убѣжденъ, что это противорѣчіе не имѣло ничего общаго съ послѣдовавшимъ вскорѣ послѣ этого разрывомъ между нами. Послѣдній имѣлъ болѣе глубокія причины, но произошелъ такимъ образомъ, что я вначалѣ ни о чемъ не догадывался и понялъ только позже, на основаніи разныхъ косвенныхъ признаковъ, что разрывъ произошелъ. Нужно помнить, что Брейеръ высказалъ о своей знаменитой первой паціенткѣ, что сексуальный элементъ былъ у нея удивительно неразвитъ и никогда ничего не привносилъ въ богатую картину ея болѣзни. Я всегда удивлялся, что критики противопоставляли такъ рѣдко это увѣреніе Брейера моему мнѣнію о сексуальной этіологіи неврозовъ, и до сихъ поръ не знаю, слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ упущеніи доказательство ихъ скромности, или ихъ невнимательности. Кто перечтетъ снова Брейерову исторію болѣзни, тотъ при свѣтѣ добытыхъ за послѣдн е двадцать лѣтъ знаній не сможетъ не понять символики змѣй, оцѣпененія, паралича руки и, учитывая положеніе у одра болѣзни отца, легко пойметъ значеніе каждаго симптома. Его сужденіе о роли сексуальности въ душевной жизни той дѣвушки рѣзко разойдется съ мнѣніемъ врача. Больная поддавалась при леченіи въ самой сложной степени внушенію со стороны Брейера и ея отношеніе къ нему можетъ намъ служить образцомъ

того, что мы называемъ „переносомъ» (Übertragung). У меня есть большія основанія полагать, что Брейеръ, по устранен и всѣхъ симптомовъ, долженъ былъ открыть по новымъ признакамъ сексуальную мотивировку этого „переноса“, но что отъ него ускользнулъ общій характеръ этого неожиданнаго феномена, такъ что онъ, какъ пораженный „untoward event“, на этомъ мѣстѣ оборвалъ изслѣдованіе. Я не получилъ отъ него по этому поводу никакихъ прямыхъ указаній, но въ различное время онъ далъ мнѣ достаточно основаній для подобныхъ предположеній. Когда я впослѣдствіи все рѣшительнѣй настаивалъ на значеніи сексуальности въ этіологіи неврозовъ, онъ первый проявилъ по отношенію ко мнѣ ту реакцію непріязненнаго отрицанія, которая мнѣ впослѣдствіи стала такъ хорошо знакома, но которую я тогда еще не считалъ своей роковой судьбой.

Фактъ грубо сексуально окрашеннаго, нѣжнаго или враждебнаго переноса, возникающаго при всякомъ леченіи невроза, хотя и нежелательнаго и не вызываемаго ни одной изъ сторонъ, казался мнѣ всегда неопровержимымъ доказательствомъ происхожденія творческихъ силъ невроза изъ области сексуальной жизни. Это доказательство еще недостаточно серьезно оцѣнено, ибо, если бы это случилось, то изслѣдованію не оставалось бы собственно никакого выбора. Для моего же убѣжденія оно сохраняетъ свое рѣшающее значеніе наряду и даже больше, чѣмъ спеціальные результаты аналитической работы.

Утѣшеніемъ за тотъ плохой пріемъ, который гипотеза сексуальной этіологіи неврозовъ встрѣтила даже въ тѣсномъ кругу друзей — вокругъ моей особы скоро образовалось пустое пространство — служила мнѣ мысль, что я выступилъ на борьбу за новую и оригинальную идею. Однако, въ одинъ прекрасный день всплыли у меня нѣкоторыя воспоминанія. которыя лишили меня этого удовлетворенія, но зато раскрыли передо мной прекрасную картину процессовъ нашего творчества и природу нашего познанія. Идея, за которую меня сдѣлали отвѣтственнымъ ни коимъ образомъ не мое дѣтище. Она была преподнесена мнѣ тремя лицами, мнѣніе которыхъ должно было встрѣтить съ моей стороны глубочайшее уваженіе: самимъ Брейеромъ, Шарко и гинекологомъ нашего университета Хробакомъ, можетъ быть, самымъ выдающимся изъ нашихъ вѣнскихъ врачей. Всѣ эти три человѣка передали мнѣ мнѣніе, котораго, строго говоря, сами не придерживались. Двое изъ нихъ отрицали свои слова, когда я позднѣе напоминалъ имъ о нихъ, третій (Шарко), вѣроятно, сдѣлалъ бы то же самое, если бы только суждено мнѣ было встрѣтиться съ нимъ. Во мнѣ же эти, воспринятыя безъ пониманія, одинаковыя мнѣнія дремали въ теченіе многихъ лѣтъ, пока однажды не проявились, словно собственное оригиналь-

ное познаніе. Когда я, еще молодой госпитальный врачъ, однажды гулялъ съ Брейеромъ по городу, къ нему подошелъ какой то человѣкъ и хотѣлъ номедленно поговорить съ нимъ. Я отсталъ немного, а когда Брейеръ освободился, онъ разсказалъ мнѣ со своей дружелюбно-наставнической манерой, что это мужъ одной паціентки сообщилъ ему свѣдѣнія о ней. Женщина эта, прибавилъ онъ, держитъ себя на людяхъ столь вызывающимъ образомъ, что ее направили къ нему для леченія, какъ нервнобольную. Это всегда „тайны алькова",— присовокупилъ онъ въ заключеніе. Я спросилъ удивленно что онъ этимъ хочетъ сказать, и онъ объяснилъ мнѣ значеніе слова („брачной постели"), такъ какъ не понялъ, что его мысль показалась мнѣ такой странной.

Нѣсколько лѣтъ спустя я сидѣлъ на одномъ изъ пріемныхъ вечеровъ Шарко недалеко отъ уважаемаго учителя, который какъ разъ разсказывалъ, Бруарделю какъ казалось, очень интересный случай изъ практики. Я плохо слышалъ начало, но постепенно разсказъ приковалъ къ себѣ мое вниманіе. Молодая супружеская пара съ далекаго востока, жена—тяжело больная, мужъ—импотентъ или очень неловкій. Tâchez donc, слышалъ я, какъ повторялъ Шарко, je vous assure, vous y arriverez. Бруарделю, который говорилъ тише, должно быть выразилъ свое удивленіе, что такія обстоятельства вызываютъ подобные симптомы, потому что Шарко вдругъ съ большой живостью воскликнулъ: Mais dans les cas pareils c'est toujours la chose genitale toujours, toujours! При этомъ онъ скрестилъ руки на нижней части живота и со свойственной ему живостью подпрыгнулъ нѣсколько разъ на мѣстѣ. Я помню, что на мгновеніе я былъ пораженъ отъ удивленія и сказалъ себѣ: такъ, если онъ это знаетъ, то почему же онъ никогда не говоритъ этого? Но впечатлѣніе было скоро забыто. Анатомія мозга и экспериментальное воспроизведеніе истерическихъ параличей поглотили весь интересъ.

Спустя годъ я началъ свою врачебную практику въ Вѣнѣ въ качествѣ приватъ-доцента по нервнымъ болѣзнямъ и оставался во всемъ, что касалось этіологіи неврозовъ, такимъ невиннымъ и невѣжественнымъ, какъ этого только и можно ожидать отъ подающаго надежды академическаго ученаго. Тутъ я получилъ однажды любезное приглашеніе Хробака, принять отъ него паціентку, которой онъ изъ-за своего новаго положенія университетскаго преподавателя не могъ посвящать достаточно времени. Я пришелъ раньше него къ больной и узналъ, что она страдаетъ безсмысленными припадками страха, которые могутъ быть ослаблены только точной освѣдомленностью о томъ, гдѣ во всякое время дня находится ея врачъ. Когда Хробакъ пришелъ, онъ отвелъ меня въ сторону и открылъ мнѣ, что страхъ паціентки исхо-

дитъ того, что она, несмотря на 18-ти лѣтнее замужество, осталась virgo intacta. Мужъ абсолютно импотентенъ. Врачу не остается ничего другого въ такихъ случаяхъ, какъ покрывать своей репутаціей домашнее несчастіе и согласиться съ тѣмъ, чтобы о немъ, пожимая плечами, говорили: да онъ ничего вѣдь не понимаетъ, если не поправилъ ее за столько лѣтъ. Единственный рецептъ для такихъ страданій, добавилъ онъ, намъ хорошо извѣстенъ, но мы не можемъ его прописать. Онъ гласитъ: Rp. Penis normalis

dosim

Repetatur!

Я ничего о такомъ рецептѣ не слыхалъ и охотно покачалъ бы головой по поводу цинизма моего доброжелателя.

Разумѣется, я раскрылъ происхожденіе столь ославленной идеи не для того, чтобы свалить на другихъ отвѣтственность за нее. Я уже знаю, что это нѣчто совсѣмъ другое — высказать одинъ или нѣсколько разъ какую нибудь мысль въ видѣ бѣглаго замѣчанія или отнестись къ ней серьезно, брать ее буквально, устранить всѣ противорѣчащія детали и завоевать для нея мѣсто среди признанныхъ истинъ. Это такая же разница, какъ между легкимъ флиртомъ и законнымъ бракомъ со всѣми его обязанностями и трудностями. „Epouser les idees de...“ это, по крайней мѣрѣ, во французскомъ языкѣ употребительный оборотъ рѣчи.

Изъ другихъ моментовъ, присоединившихся къ катартическому методу благодаря моей работѣ и преобразовавшихъ его въ психоанализъ, я упоминаю:

Ученіе о вытѣсненіи и сопротивленіи, значеніе дѣтской сексуальности и примѣненіе толкованія сновидѣній для познанія безсознательнаго.

Въ созданіи ученія о вытѣсненіи я былъ безусловно самостоятельнымъ, я не знаю никакого вліянія, которое приблизило бы меня къ нему. И я долгое время считалъ эту идею совершенно оригинальной, пока О. Ранкъ не показалъ намъ мѣсто въ Welt als Wille ûnd. Vorstellug Шопенгауэра, гдѣ философъ старается объяснить безуміе. То, что тамъ говорится о сопротивленіи (противодѣйствіи) какому либо мучительному явленію дѣйствительности, настолько совпадаетъ съ содержаніемъ моего понятія о вытѣсненіи, что лишь благодаря моей неначитанности я имѣлъ возможность сдѣлать оригинальное открытіе.

Однако многіе читали это мѣсто и проглядѣли его, не сдѣлавъ этого открытія и, вѣроятно, и со мной произошло бы то же самое, если бъ я въ болѣе ранніе годы находилъ больше интереса въ чтеніи философовъ. Позже я вполнѣ сознательно мотивировалъ свой отказъ отъ громаднаго наслажденія при чтеніи произведеній Ничше тѣмъ, что никакія предвзятыя представленія не должны мнѣ мѣшать въ

переработкѣ моихъ психоаналитическихъ впечатлѣній. Зато я долженъ былъ быть готовъ и охотно готовъ и теперь отказаться отъ всѣхъ притязаній на первенство въ тѣхъ частыхъ случаяхъ, когда кропотливое психоаналитическое изслѣдованіе можетъ только подтвердить интуитивныя сужденія философовъ.

Ученіе о вытѣсненіи—фундаментъ, на которомъ зиждется все зданіе психоанализа, составляетъ существеннѣйшую часть его и представляетъ изъ себя не что иное, какъ теоретическое выраженіе наблюденія, которое можно сколько угодно повторять, если безъ помощи гипноза приступить къ анализу невротика. Тогда чувствуется сопротивленіе, которое противодѣйствуетъ аналитической работѣ и подъ предлогомъ пробѣла въ воспоминаніяхъ старается сдѣлать ее невозможной. Примѣненіе гипноза должно было скрывать это сопротивленіе; поэтому исторія настоящаго психоанализа начинается только съ момента техническаго нововведенія — отказа отъ гипноза. Теоретическая оцѣнка того обстоятельства, что это сопротивленіе совпадаетъ съ амнезіей, ведетъ далѣе неизбѣжно къ психоаналитическому пониманію безсознательной душевной дѣятельности, которое все же замѣтно отличается отъ философскихъ умозрѣній. Можно поэтому сказать, что психоаналитическая теорія является попыткой объяснить два наблюденія, которыя поразительнымъ образомъ повторяются при всякой попыткѣ открыть въ исторіи жизни невротика причины симптомовъ его страданія: факты „переноса" и „сопротивленія". Всякое изслѣдованіе, которое признаетъ оба эти факта, какъ исходное положеніе работы, можетъ называться психоанализомъ, если даже оно приходитъ къ другимъ результатамъ, чѣмъ мои. Кто же берется за другія стороны проблемы и отступаетъ отъ этихъ обѣихъ предпосылокъ, тотъ врядъ ли можетъ быть свободенъ отъ упрека въ покушеніи на чужую собственность посредствомъ мимикріи, если будетъ настойчиво присваивать себѣ названіе психоаналитика.

Я бы сталъ очень энергично противиться, если бы кто либо захотѣлъ считать ученіе о вытѣсненіи и о сопротивленіи предпосылками психоанализа, а не выводами на немъ основанными. Такія предпосылки общепсихологической и біологической природы дѣйствительно существуютъ и было бы цѣлесообразно поговорить о нихъ въ другомъ мѣстѣ, но ученіе о вытѣсненіи — пріобрѣтеніе психоаналитической работы, законнымъ образомъ добытое изъ безчисленныхъ наблюденій. Такое же пріобрѣтеніе только гораздо болѣе поздняго времени составляетъ разработка вопроса о дѣтской сексуальности, о которой въ первые годы нащупыванія пути изслѣдованія посредствомъ анализа еще не было и рѣчи. Можно было только замѣтить, что причину вліянія актуаль-

ныхъ впечатлѣній приходится видѣть въ прошломъ. Но „ищущій находитъ часто больше, чѣмъ хочетъ найти". Приходилось все дальше и дальше углубляться въ прошлое и, наконецъ, казалось, была надежда, что можно будетъ остановиться на времени возмужалости, на эпохѣ традиціоннаго пробужденія сексуальнаго чувства. Но напрасно; слѣды вели еще дальше назадъ въ дѣтство и даже далѣе въ ранніе годы его. На этомъ пути пришлось преодолѣть заблужденіе, которое чуть не стало роковымъ для молодой науки. Подъ вліяніемъ связанной съ Шарко травматической теоріей истеріи были склонны считать реальными и имѣющими этіологическое значеніе разсказы больныхъ, которые приписывали пассивнымъ сексуальнымъ переживаніямъ въ раннемъ дѣтствѣ, то есть, грубо выражаясь, половому соблазну значеніе причины своихъ симптомовъ. Когда эта этіологія рухнула вслѣдствіе собственнаго неправдоподобія и противорѣчія съ несомнѣнно установленными обстоятельствами, то непосредственнымъ слѣдствіемъ этого явилась стадія полнѣйшей растерянности. Анализъ приводилъ вполнѣ правильнымъ путемъ къ такого рода инфантальнымъ сексуальнымъ травмамъ и все же онѣ оказывались ложью. Почва дѣйствительности была такимъ образомъ утеряна. Въ то время я охотно бросилъ бы всю работу подобно моему почтенному предшественнику Брейеру при его нежелательномъ открытіи. Можетъ быть я устоялъ только потому, что у меня уже не было выбора начинать что-нибудь другое. Въ концѣ концовъ я сталъ понимать, что никто не имѣетъ права отчаиваться потому, что обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, но что слѣдуетъ пересмотрѣть эти ожидан[illegible]. Если истеричные указываютъ на вымышленныя травмы, какъ на причину своихъ симптомовъ, то новый фактъ состоитъ именно въ томъ, что они фантазируютъ о такихъ сценахъ и необходимо считаться съ психической реальностью такъ же, какъ и съ практической. Скоро пришлось убѣдиться, что назначеніе этихъ фантазій прикрыть и прикрасить аутоэротическія проявленія первыхъ дѣтскихъ лѣтъ и поднять ихъ на болѣе высокую ступень. И вотъ тутъ то за этими фантазіями и открылась половая жизнь ребенка во всемъ ея объемѣ.

Въ этой сексуальной дѣятельности ранняго дѣтства могла проявиться и врожденная конституція. Предрасположеніе и переживаніе связывались здѣсь въ одно этіологическое цѣлое благодаря тому, что предрасположеніе поднимало до степени возбуждающихъ и фиксирующихся травмъ такія впечатлѣнія, которыя иначе по своей банальности не имѣли бы никакого вліянія, и потому, что эти переживанія пробуждали такіе факторы предрасположенія, которые безъ нихъ долго бы дремали и, можетъ быть, остались бы неразвившимися въ зародышѣ. Послѣднее слово въ вопросѣ о травматической этіологіи позже сказалъ Абрагамъ, когда указалъ, какъ именно

особенность сексуальной конституции ребенка умѣетъ провоцировать особаго рода сексуальныя переживанія т. е. травмы.

Мои положенія о сексуальности дѣтей были вначалѣ основаны почти исключительно на результатахъ идущаго въ прошлое анализа взрослыхъ. Для прямыхъ наблюденій надъ ребенкомъ у меня не было случая.

Поэтому это былъ необычайный тріумфъ, когда нѣсколькими годами позже удалось подтвердить прямымъ наблюденіемъ и анализомъ дѣтей въ очень ранніе годы большую часть этихъ заключеній Но тріумфъ этотъ постепенно падалъ отъ мысли, что открытіе это такого рода, что собственно слѣдуетъ стыдиться, что сдѣлалъ его. Чѣмъ больше углублялись въ наблюденіе надъ ребенкомъ, тѣмъ болѣе естественнымъ становился фактъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ болѣе удивительнымъ казалось то обстоятельство, что столько труда ушло на то, чтобъ его не замѣчать.

Столь твердое убѣжденіе въ существованіи и значеніи дѣтской сексуальности можно однако себѣ составить только путемъ анализа, идя отъ симптомовъ и особенностей невротиковъ назадъ къ послѣднимъ источникамъ ихъ, вскрытіе которыхъ объясняетъ то, что въ нихъ вообще объяснимо и даетъ возможность измѣнить то, что можетъ быть измѣнено. Я прекрасно понимаю, что приходятъ къ другимъ результатамъ, когда, — какъ это недавно сдѣлалъ Юнгъ — сперва создаютъ себѣ опредѣленное теоретическое представленіе о природѣ полового влеченія и, исходя изъ него, хотятъ понять жизнь ребенка.

На подобномъ представленіи можно остановиться только произвольно или по стороннимъ соображеніямъ и оно рискуетъ не соотвѣтствовать той области, къ которой его хотятъ примѣнить. Разумѣется, и аналитическій путь ведетъ къ извѣстнымъ конечнымъ трудностямъ и темнымъ мѣстамъ относительно сексуальности и ея отношенія ко всей жизни индивидуума; но онѣ не могутъ быть устранены путемъ соображеній, а должны оставаться неразрѣшенными, пока не будутъ объяснены другими наблюденіями или наблюденіями въ другихъ областяхъ.

О толкованіи сновидѣній я могу быть краток. Оно далось мнѣ само, какъ первый плодъ техническаго нововведенія, послѣ того, какъ я, слѣдуя смутному предположенію, рѣшился замѣнить гипнозъ свободными ассоціаціями. Моя любознательность не была съ самаго начала направлена на пониманіе сновидѣній. Вліянія, которыя привлекли бы къ нимъ мой интересъ или оказали бы помощь и побуждали ждать разъясненія, мнѣ неизвѣстны. Я едва успѣлъ до разрыва моего съ Брейеромъ однажды сказать ему одну фразу, что умѣю теперь разгадывать сны. Вслѣдствіе такой исторіи открытія символика языка сновидѣній была приблизительно

послѣднее, что мнѣ стало доступнымъ въ сновидѣніи, такъ какъ для знанія символовъ ассоціаціи видѣвшаго сонъ мало что даютъ. Такъ какъ я придерживался привычки всегда изучать сначала самыя явленія, прежде чѣмъ справляться о нихъ въ книгахъ, то я могъ точно установить символику сновидѣнія прежде, чѣмъ нашелъ въ сочиненіяхъ Шернера указанія на этотъ счетъ. Въ полномъ объемѣ я оцѣнилъ это средство выраженія сновидѣнія лишь позже, отчасти подъ вліяніемъ работъ вначалѣ столь заслуженнаго, а позже совершенно небрежнаго Штекеля. Тѣсная связь между психоаналитическимъ толкованіемъ сновидѣній и нѣкогда столь высоко цѣнимымъ въ античномъ мірѣ искусствомъ толкованія сновидѣній стала мнѣ ясна только много лѣтъ спустя. Самую оригинальную и значительную часть моей теоріи сновидѣній, объясненіе видоизмѣненія сновидѣнія внутреннимъ конфликтомъ, своего рода внутренней неискренностью, я позже встрѣтилъ у одного автора, которому была чужда медицина, но не философія, у инженера І. Поппера, опубликовавшаго подъ именемъ Линкеуза „Фантазіи одного реалиста“.

Толкованье сновидѣній стало для меня утѣшеніемъ и поддержкой въ тѣ тяжелые первые годы анализа, когда я долженъ былъ одолѣть одновременно технику, клинику и терапію неврозовъ. Я былъ совершенно одинокъ и часто боялся утратить способность оріентироваться и увѣренность въ себѣ среди путанницы возникающихъ и нагромождающихся трудностей. Провѣрка моего предположенія, что неврозъ долженъ быть объясненъ посредствомъ анализа, заставляла часто до того долго себя ждать, что могла сбить съ пути; въ сновидѣніяхъ, въ которыхъ можно видѣть аналогію симптомамъ, это предположеніе находило почти полное подтвержденіе. Только благодаря этимъ успѣхамъ я былъ въ состояніи выдержать. Поэтому я привыкъ измѣрять степень пониманія работающаго въ области психологіи его отношеніемъ къ проблемамъ толкованія сновидѣній и съ удовлетвореніемъ замѣтилъ, что большая часть противниковъ психоанализа избѣгала вообще вступать на эту почву или вела себя въ высшей степени неловко, когда пыталась это сдѣлать. Мой самоанализъ, необходимость котораго скоро стала для меня ясна, я провелъ съ помощью ряда своихъ сновидѣній, которыя ввели меня во всѣ событія моихъ дѣтскихъ лѣтъ. я еще и до сихъ поръ остаюсь при томъ мнѣніи, что у человѣка, имѣющаго хорошіе сны и въ достаточной степени нормальнаго, такого рода анализъ можетъ быть вполнѣ достаточенъ.

Развернувъ эту картину исторіи возникновенія психоанализа, я полагаю, что лучше показалъ, въ чемъ онъ заключается, чѣмъ систематическимъ изложеніемъ. Особенную природу моихъ находокъ я сначала не распозналъ. Не

задумываясь я принесъ въ жертву мою начинавшуюся популярность, какъ врача и наплывъ нервнобольныхъ на мой пріемъ, послѣдовательно доискиваясь сексуальныхъ причинъ ихъ неврозовъ; при этомъ я наткнулся на такіе факты, которые окончательно укрѣпили мое убѣжденіе въ практическомъ значеніи сексуальнаго момента. Ничего не подозрѣвая, я выступилъ докладчикомъ въ вѣнскомъ обществѣ спеціалистовъ, бывшемъ тогда подъ предсѣдательстомъ Крафтъ-Эббинга, въ ожиданіи, что интересъ и признаніе товарищей вознаградятъ меня за добровольный матеріальный ущербъ. Я относился къ моимъ открытіямъ, какъ къ безразличному научному матеріалу, и разсчитывалъ встрѣтить такое же отношеніе и со стороны другихъ. Лишь тишина, воцарившаяся послѣ моихъ докладовъ, пустота, образовавшаяся вокругъ меня, намеки по моему адресу заставили меня мало по малу понять, что утвержденія о роли сексуальности въ этіологіи неврозовъ не могутъ разсчитывать на такое же отношеніе къ себѣ, какъ другіе научные доклады. Я понялъ, что съ той поры я принадлежу къ тѣмъ, которые, по выраженію Геббеля, „нарушили покой міра", и что я не могу разсчитывать на объективное отношеніе къ себѣ и на то, чтобъ со мной считались. Но такъ какъ мое убѣжденіе въ томъ, что мои наблюденія и выводы въ среднемъ правильны, постоянно росло, а мое довѣріе къ собственному сужденію и мое нравственное мужество были немалы, то выходъ изъ этого положенія не могъ подлежать никакому сомнѣнію: я рѣшился повѣрить, что на мою долю выпало счастье открыть соотношенія особенно важнаго значенія и нашелъ въ себѣ готовность подвергнуться участи, которая иногда связана съ такіемъ открытіемъ.

Эту участь я себѣ представлялъ слѣдующимъ образомъ: мнѣ, пожалуй, кое-какъ удастся просуществовать благодаря терапевтическимъ успѣхамъ новаго метода, но наука не обратитъ на меня при моей жизни никакого вниманія. Нѣсколько десятилѣтій спустя кто нибудь другой неизбѣжно натолкнется на тѣ же самыя, теперь несвоевременныя, явленія, добьется ихъ признанія и такимъ образомъ воздастъ мнѣ честь, какъ въ силу необходимости потерпѣвшему неудачу предшественнику. Между тѣмъ, я устраивался, какъ Робинзонъ на необитаемомъ островѣ, по возможности удобно. Когда я среди смутъ и тяготъ настоящаго времени, взираю на тѣ одинокіе годы, мнѣ кажется, что это было прекрасное героическое время: „Splendid isolation" не было лишено своихъ преимуществъ и прелестей. Мнѣ не нужно было читать никакой литературы, выслушивать плохо освѣдомленныхъ противниковъ, я былъ свободенъ отъ какого либо вліянія, ничѣмъ не стѣсненъ. Я научился не подда-

слѣдуя незабвенному совѣту моего учителя Шарко, часто снова и снова пересматривалъ тѣ же самыя явленія, пока онѣ сами не начнутъ говорить за себя. Мои статьи, для которыхъ я съ нѣкоторымъ трудомъ тоже нашелъ пристанище, могли всегда содержать гораздо меньше того, что я зналъ, опубликованіе ихъ могло быть сколько угодно отложено, потому что не приходилось защищать свое сомнительное „первенство". Толкованіе сновидѣній, напримѣръ было готово во всемъ существенномъ въ началѣ 1896, а напечатано было только лѣтомъ 1899. Леченіе Доры было закончено къ концу 1899, ея исторія болѣзни записана въ теченіе ближайшихъ двухъ недѣль, а опубликована только въ 1905. Между тѣмъ мои труды не реферировались въ спеціальной литературѣ или, если это случалось въ видѣ исключенія, то отрицались съ презрительнымъ чувствомъ состраданія или превосходства. Иной разъ какой нибудь коллега также посвящалъ мнѣ въ той или другой статьѣ очень короткое и не очень лестное замѣчаніе, вродѣ: слишкомъ мудритъ, впадаетъ въ крайности, очень странно. Однажды случилось, что ассистентъ клиники въ Вѣнѣ, въ которой я читалъ каждый семестръ курсъ, попросилъ у меня разрѣшеніе присутствовать на этихъ лекціяхъ. Онъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ, ничего не говорилъ, но послѣ послѣдней лекціи вызвался проводить меня. Во время этой прогулки онъ признался мнѣ, что написалъ съ вѣдома своего шефа книгу противъ моего ученія, но очень сожалѣетъ, что узналъ его ближе лишь теперь, благодаря моимъ лекціямъ. Если бы не это, онъ многое написалъ бы иначе. Правда, онъ освѣдомился въ клиникѣ не слѣдуетъ ли ему прочесть сначала толкованіе сновидѣній, но ему не посовѣтовали, такъ какъ не стоитъ молъ труда. Онъ сравнилъ тогда самъ мою научную систему, какъ онъ теперь ее понялъ, по крѣпости ея внутренняго остава съ католической церковью. Въ интересахъ его душевнаго благополучія я хочу думать, что въ этомъ замѣчаніи содержалась доля признанія. Но затѣмъ онъ въ заключеніе прибавилъ, что теперь ужъ слишкомъ поздно мѣнять что-нибудь въ его книгѣ, такъ какъ она уже напечатана. Этотъ самый коллега не счелъ также нужнымъ и позже сообщить свѣту объ измѣненіи своего мнѣнія о психоанализѣ, а предпочелъ сопровождать развитіе послѣдняго въ качествѣ постояннаго референта одного медицинскаго журнала, своими мало серьезными комментаріями.

Моя личная чувствительность къ моей выгодѣ притупилась въ тѣ годы окончательно. Но отъ озлобленія меня избавило одно обстоятельство, которое приходитъ на помощь не всѣмъ одинокимъ изобрѣтателемъ. Обыкновенно они мучительно доискиваются причины безучастія или отрицательнаго отношенія къ нимъ современниковъ и ощущаютъ это,

какъ мучительное возраженіе противъ несомнѣнности ихъ собственнаго убѣжденія. Я въ этомъ не нуждался, потому что психоаналитическое ученіе дало мнѣ возможность видѣть въ поведеніи окружающаго міра необходимое сдѣдствіе основныхъ аналитическихъ положеній. Если вѣрно было, что вскрытыя мною взаимоотношенія удаляются отъ сознанія больного внутренними аффективными сопротивленіями, то эти же сопротивленія должны были возникать также и у здоровыхъ, какъ только имъ сообщали извнѣ это вытѣсненное. Ничего удивительнаго не было и въ томъ, что эти послѣдніе умѣли логическими соображеніями мотивировать свое обусловленное аффектами отрицаніе, это случалось у больныхъ такъ же часто и приводимыя ими доказательства —„аргументы такъ же банальны, какъ ежевика“, какъ говоритъ Фальстафъ — были тѣ же самыя, и нельзя сказать, чтобъ очень остроумныя. Разница была только въ томъ, что по отношенію къ больнымъ можно было прибѣгать къ мѣрамъ воздѣйствія, чтобы заставить ихъ убѣдиться въ своемъ сопротивленіи и преодолѣть его, а по отношенію къ здоровымъ это было невозможно. Неразрѣшенной осталась задача, какимъ образомъ можно было бы побудить этихъ здоровыхъ заняться научно-объективной провѣркой и приходилось разрѣшеніе ея лучше всего предоставить времени. Въ исторіи наукъ часто можно было констатировать, что тотъ самый методъ леченія, который вначалѣ вызывалъ только возраженія, нѣкоторое время спустя встрѣчалъ общее признаніе, хотя никакихъ новыхъ доказательствъ не было въ его пользу приведено

Но конечно, никто не станетъ ожидать, чтобъ въ эти годы, когда я одинъ воплощалъ психоанализъ, во мнѣ развилось особенное почтеніе къ сужденію свѣта или склонность къ интеллектуальной уступчивости.

II.

Съ 1902 года вокругъ меня собралось нѣсколько молодыхъ врачей съ опредѣленнымъ намѣреніемъ изучать психоанализъ, примѣнять его на практикѣ и распространять его. Толчекъ къ этому далъ одинъ коллега, испытавшій на самомъ себѣ хорошее дѣйствіе аналитической терапіи. Въ опредѣленные вечера собирались у меня, вели въ установленномъ порядкѣ дискуссіи, старались оріентироваться въ казавшейся странной новой области изслѣдованія и разбудить интересъ къ ней Однажды къ намъ явился окончившій ремесленное училище съ рукописью, изобличавшей необыкновенное пониманіе. Мы побудили его наверстать гимназическій курсъ, поступить въ университетъ и посвятить себя

неврачебному примѣненію психоанализа. Маленькій ферейнъ пріобрѣлъ такимъ образомъ усерднаго и надежнаго секретаря, я нашелъ въ лицѣ Отто Ранкъ вѣрнѣйшаго помощника и сотрудника.

Маленькій кружокъ скоро разросся, неоднократно мѣнялся въ теченіе ближайшихъ лѣтъ въ своемъ составѣ. Въ общемъ я могъ себѣ сказать, что по богатству и многобразію дарованій, заключавшихся въ немъ, онъ едва ли уступалъ штабу любого клиническаго преподавателя. Съ самаго начала въ немъ были тѣ люди, которымъ суждено было сыграть позже въ исторіи психоаналитическаго движенія столь значительную, хотя и не всегда пріятную роль. Но тогда еще нельзя было предвидѣть ходъ этого развитія. Я имѣлъ основаніе быть довольнымъ и, полагаю, сдѣлалъ все, чтобы сдѣлать доступнымъ другимъ то, что зналъ и чему научилъ меня опытъ. Дурнымъ предзнаменованіемъ были только два факта, благодаря которымъ кружокъ въ концѣ концовъ сталъ мнѣ внутренне чуждъ. Мнѣ не удалось водворить между сочленами его то дружеское согласіе, которое должно царить между людьми, выполняющими одну и ту же тяжелую работу; и такъ же мало удалось мнѣ искоренить споры о первенствѣ, для которыхъ въ условіяхъ совмѣстной работы всегда достаточно повода. Уже въ частномъ вѣнскомъ психоаналитическомъ ферейнѣ давали себя знать громадныя трудности обученія практическому примѣненію психоанализа, виновныя и во многихъ современныхъ разногласіяхъ. Я самъ не осмѣливался преподавать еще не готовую технику и не установившуюся теорію съ тѣмъ авторитетомъ, который, вѣроятно, избавилъ бы отъ многихъ ошибокъ и окончательныхъ заблужденій. Самостоятельность умственныхъ работниковъ, ихъ ранняя независимость отъ учителя съ психологической точки зрѣнія всегда желательны, но выигрышъ въ научномъ отношеніи получается отъ этого только въ томъ случаѣ, если у самихъ работниковъ имѣются извѣстныя личныя, не очень часто встрѣчающіяся условія. Именно психоанализъ требовалъ долгой и строгой выдержки и воспитанія къ самообладанію. Ради храбрости, которую проявили члены ферейна, отдавшись не популярному и такъ мало обѣщающему дѣлу, я былъ склоненъ не обращать вниманія на многое, что оттолкнуло бы меня въ другомъ случаѣ. Кружокъ объединялъ къ тому же не только врачей, но и другихъ образованныхъ людей, понявшихъ значеніе психоанализа, писателей, художниковъ и т. д. Толкованье сновидѣній, книга объ „Остротѣ" и другія показали съ самаго начала, что ученіе психоанализа не ограничится областью медицины, но можетъ найти себѣ примѣненіе въ разнообразныхъ отрасляхъ въ наукахъ о духѣ.

Съ 1907 года положеніе, противъ всякихъ ожиданій, сразу измѣнилось. Оказалось, что психоанализъ постепенно

пробудилъ къ себѣ интересъ и нашелъ друзей, что имѣются даже научные работники, готовые признать его. Брейреръ письмомъ извѣстилъ меня уже раньше, что мои труды изучаются и примѣняются въ Burghölzli. Въ январѣ 1907 года прибылъ въ Вѣну первый изъ представителей цюрихской клиники, Др. Эйтингонъ; скоро затѣмъ послѣдовали и другія посѣщенія, которыя проложили путь для оживленнаго обмѣна мнѣній; наконецъ, по приглашенію Юнга, тогда еще адъюнкта въ Burghölzli, весною 1908 года состоялся первый съѣздъ въ Зальцбургѣ, на которомъ объединились друзья психоанализа изъ Вѣны, Цюриха и другихъ мѣстъ. Плодомъ этого перваго психоаналитическаго конгресса было основаніе журнала, который началъ выходить въ 1909 году подъ названіемъ „Jabrbuch fur psychoanalytische und psychopathologische Forschungen", издаваемый Блейлеромъ и Фрейдомъ подъ редакціей Юнга. Въ этомъ журналѣ выразилось тѣсное объединеніе на почвѣ совмѣстной работы школъ Вѣны и Цюриха. Я неоднократно съ благодарностью признавалъ большія заслуги Цюрихской психіатрической школы, въ особенности Блейлера и Юнга, въ дѣлѣ распространенія психоанализа и не задумаюсь сдѣлать это и теперь при столь измѣнившихся отношеніяхъ. Конечно, участіе Цюрихской школы обратила тогда впервые вниманіе научнаго міра на психоанализъ. Латентный періодъ какъ разъ прошелъ и психоанализъ сдѣлался повсюду предметомъ постоянно возрастающаго интереса. По всюду слѣдствіемъ появившагося интереса было сначала въ большинствѣ случаевъ подчеркнуто страстное отрицаніе, въ Цюрихѣ, напротивъ, принципіальное согласіе было основнымъ тономъ отношенія. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не нашелъ я такой тѣсной группы сторонниковъ, не могла быть предоставлена оффиціальная клиника къ услугамъ психоаналитическаго изслѣдованія и не приходилось видѣть клиническаго преподавателя, который включилъ бы психоанализъ въ курсъ психіатріи. Цюрихцы стали такимъ образомъ центральнымъ ядромъ маленькой борющейся за достоинство психоанализа группы. Только у нихъ можно было изучить новое искусство и работать въ его области. Большая часть моихъ нынѣшнихъ сторонниковъ и сотрудниковъ пришла ко мнѣ черезъ Цюрихъ, даже такіе, которымъ географически Вѣна была гораздо ближе Швейцаріи. Вѣна лежитъ эксцентрически для Запада Европы, который вмѣщаетъ крупные центры нашей культуры Ея значеніе много падаетъ изъ-за вѣнскихъ предразсудковъ. Въ столь дѣятельную въ духовномъ отношеніи Швейцарію стекаются представители самыхъ отдаленныхъ націй; очагъ заразы въ этомъ мѣстѣ долженъ былъ сдѣлаться особенно важнымъ для распространенія психической эпидеміи, какъ Гохе въ Фрейбургѣ назвалъ ее.

По свидѣтельству одного коллеги, который продѣлалъ развитіе въ Burghölzli, можно установить, что психоанализъ уже очень рано пробудилъ тамъ интересъ къ себѣ. Въ опубликованной въ 1902 г. Юнгомъ статьѣ объ оккультныхъ феноменахъ находится первая ссылка на толкованіе сновидѣній Съ 1903 или 1904 г., сообщаетъ свидѣтель, на котораго я ссылаюсь, психоанализъ стоялъ на первомъ планѣ. Послѣ того какъ завязались личныя отношенія между Вѣной и Цюрихомъ, образовался также и въ Burghölzli свободный ферейнъ, въ которомъ въ регулярныхъ собраніяхъ обсуждались психоаналитическіе вопросы. Въ объединеніи, которое образовалось между вѣнской и цюрихской школой, щвейцарцы никоимъ образомъ не были только получающей стороной. Они сами уже выполнили почтенную научную работу, результаты которой послужили на пользу психоанализу. Указанному школой Вундта ассоціативному эксперименту было ими дано объясненіе въ психоаналитическомъ смыслѣ и найдена для него возможность новаго неожиданнаго примѣненія. Такимъ образомъ стало возможнымъ привести быстрыя экспериментальныя подтвержденія психоаналитическихъ положеній и демонстрировать учащемуся отдѣльныя обстоятельства, о которыхъ аналитикъ могъ бы только разсказывать. Такъ былъ впервые проложенъ путь отъ экспериментальной психологіи къ психоанализу.

Ассоціативный экспериментъ дѣлаетъ возможнымъ въ психоаналитическомъ леченіи предварительный качественный анализъ случая, но не представляетъ никакого существеннаго улучшенія техники и при проведеніи анализовъ отъ него можно, собственно, отказаться Еще другое болѣе значительное дѣло совершено цюрихской школой или ея обоими вождями Блейлеромъ и Юнгомъ. Первый доказалъ, что цѣлый рядъ чисто психіатрическихъ случаевъ можно объяснить такими же процессами, какіе съ помощью психоанализа открыты въ сновидѣніяхъ и въ неврозахъ (Фрейдовскіе механизмы). Юнгъ съ успѣхомъ примѣнилъ аналитическій способъ толкованія къ самымъ страннымъ и темнымъ явленіямъ Dementia praecox, происхожденіе которыхъ изъ событій изъ жизни и интересовъ больного стало тогда ясно. Съ тѣхъ поръ психіатрамъ стало невозможно долѣе игнорировать психоанализъ. Солидный трудъ Блейлера о Schizophrenie (1911), въ которомъ психоаналитическіе методы и взгляды занимаютъ такое же мѣсто, какъ и клинически-систематическіе, завершилъ этотъ успѣхъ. Я не хочу здѣсь упустить случая указать на разницу, которая въ направленіи работъ обѣихъ школъ уже тогда была ясно видна. Уже въ 1897 г. я опубликовалъ анализъ случая шизофреніи, который носилъ параноидный характеръ, такъ что данное ему объясненіе не могло уменьшить впечатлѣніе анализовъ Юнга. Но для меня было самымъ

важнымъ не толкованіе симптомовъ, а психическій механизмъ заболѣванія, и прежде всего, совпаденіе этого механизма съ уже извѣстнымъ механизмомъ истеріи. Различіе между обѣими болѣзнями еще тогда не было освѣщено. Моей цѣлью было уже въ то время установленіе либидинозной теоріи неврозовъ, видящей во всѣхъ невротическихъ и психотическихъ явленіяхъ слѣдствіе анормальнаго развитія либидо, то есть отклоненія его отъ нормальнаго примѣненія. У швейцарскихъ изслѣдователей эта точка зрѣнія отсутствовала. Блейлеръ, сколько я знаю, и до настоящаго времени еще крѣпко держится взгляда объ органическомъ происхожденіи Dementia praecox и Юнгъ, книга котораго объ этомъ заболѣваніи появилась въ 1907 г., защищалъ въ 1908 г. на Зальцбургскомъ конгрессѣ токсическую теорію, которая, не исключая однако теоріи либидо, игнорируетъ послѣднюю. Въ этомъ именно пунктѣ онъ позднѣе (1912) споткнулся, взявъ на этотъ разъ слишкомъ много изъ той матеріи, отъ которой прежде отказывался.

Третье дополненіе швейцарской школы, которое, можетъ быть, нужно поставить цѣликомъ въ счетъ Юнгу я не могу такъ высоко оцѣнить, какъ это дѣлаютъ люди, стоящіе далеко отъ дѣла. Я подразумѣваю ученіе о комплексахъ, которое выросло изъ „Diagnostische Associationsstudien" (1906—1910) Изъ него не создалось психологической теоріи, оно не можетъ быть непосредственно вплетено въ общую связь психоаналитическихъ ученій Но за то слово „комплексъ", какъ удобный, часто незамѣнимый, терминъ для описательной формулировки психологическихъ фактовъ, пріобрѣло право гражданства въ психоанализѣ. Ни одинъ изъ другихъ, созданныхъ потребностями психоанализа терминовъ и обозначеній не пріобрѣлъ такой широкой популярности и не былъ такъ часто неправильно примѣняемъ во вредъ образованію точныхъ понятій. Въ обыденной рѣчи психоаналитики стали говорить о возвращеніи комплекса, когда подразумѣвали „возвращеніе вытѣсненнаго", или привыкали говорить: „У меня комплексъ противъ него" тамъ, гдѣ правильнѣе было сказать: сопротивленіе.

Начиная съ 1907 г., въ теченіе лѣтъ послѣдовавшихъ за моментомъ сліянія вѣнской и цюрихской школъ, психоанализъ получилъ тотъ необыкновенный подъемъ, подъ знакомъ котораго онъ находится еще и теперь, и о которомъ съ одинаковой достовѣрностью свидѣтельствуютъ, какъ распространеніе обслуживающихъ его повременныхъ изданій и увеличеніе числа врачей, которые примѣняютъ его на практикѣ или желаютъ изучить его, такъ и учащеніе нападковъ на него на конгрессахъ и въ ученыхъ обществахъ. Онъ проникъ до отдаленнѣйшихъ странъ и не только повсюду на-

пугалъ психіатровъ, но заставилъ призадуматься и образованныхъ неспеціалистовъ и работниковъ въ другихъ областяхъ науки. Гавелокъ Эллисъ, слѣдившій за его развитіемъ, никогда однако не причисляя себя къ его приверженцамъ, написалъ въ 1911 г. въ отчетѣ для австралійско-азіатскаго медицинскаго конгресса. „Freud's psychoanalysis is now championed and carried out not only in Austria and in Switzerland but in the United States in England in Jndia, in Canada and I doubt not, in Autralasia“ [1])

Одинъ, вѣроятно нѣмецкій, врачъ Чили выступилъ на интернаціальномъ конгрессѣ въ Буэносъ Айресѣ въ 1910 г. въ защиту существованія инфантильной сексуальности и хвалилъ успѣхи психоаналитической терпаіи при симптомахъ навязчивости [2]); одинъ англійскій невропогъ въ центральной Индіи сообщилъ мнѣ черезъ видного коллегу, отправившагося въ Европу, что въ этіологіи неврозовъ у магометанскихъ индусовъ, къ которымъ онъ примѣняетъ психоанализъ, и у нашихъ европейскихъ паціентовъ нѣтъ никакой разницы.

Распространеніе психоанализа въ Сѣверной Америкѣ произошло при особенно почетныхъ обстоятельствахъ Осенью 1909 г. Юнгъ и я были приглашены Стенлей Голломъ, президентомъ Cilark University въ Worcester'ѣ (близь Бостона) принять участіе въ празденствахъ по случаю двадцатилѣтія со дня основанія этого учрежденія и прочесть тамъ лекціи на нѣмецкомъ языкѣ. Мы нашли, къ нашему большому удивленію, что свободные отъ предразсудковъ представители этого маленького, но уважаемаго педагогически-философскаго университета были знакомы со всѣми психоаналитическими трудами и знакомили съ ними въ своихъ лекціяхъ слушателей. Въ столь чопорной Америкѣ можно было по крайней мѣрѣ въ академическихъ кругахъ свободно говорить и обсуждать то, что въ жизни считается предосудительнымъ. Пять лекцій, которыя я съимпровизировалъ въ Worcester'ѣ, появились потомъ въ American journal of Psychology въ англійскомъ переводѣ, и вскорѣ за тѣмъ по нѣмецки подъ заглавіемъ „Über Psychoanalyse„: Юнгъ читалъ о діагностическихъ изслѣдованіяхъ ассоціации и о „Konfikte der kindlichen Seole“. Мы были за это вознаграждены почетнымъ титуломъ Z. Z. D. (Докторовъ обоихъ правъ) Психоанализъ былъ представленъ на той праздничной недѣлѣ пятью лицами; кромѣ Юнга и меня были Ференчи, сопровождавшій меня, Эрнестъ Джонсъ, бывшій тогда при университетѣ въ Торонто (Канада), теперь въ Лондонѣ, и А. Бриль, занимавшійся въ Нью-Іоркѣ аналитической практикой. Всѣ трое

---

[1]) Ha velock Ellis. The doctrines of the Freud school.

[2]) C. Creve. Sobre Psicologia y Psicoterapia de ciertos Est ados angustiosos см. Zentielblattf. Psychanolyse Bd I, s. 591.

познакомились съ психоанализомъ въ Цюрихѣ. Въ Worcester'ѣ также завязались самыя значительныя личныя отношенія именно съ Джемсъ I. Патнемъ, преподавателемъ невропатологіи въ Harvard University, который за нѣсколько лѣтъ до того высказалъ отрицательное сужденіе о психоанализѣ, а теперь быстро освоился съ нимъ и рекомендовалъ его своимъ соотечественникамъ и коллегамъ по спеціальности въ многочисленныхъ очень содержательныхъ и красивыхъ по формѣ лекціяхъ Уваженіе, которымъ онъ пользуется въ Америкѣ въ силу своей высокой нравственности и смѣлой любви къ истинѣ, принесло пользу психоанализу и защитило его отъ клеветы, которая въ противномъ случаѣ, вѣроятно, сразила бы его съ самаго начала. Позднѣе Патнемъ слишкомъ, подчиняясь высокимъ этическимъ и философскимъ запросамъ своей натуры, предъявилъ къ психоанализу, какъ я думаю, невыполнимое требованіе — именно, чтобы онъ служилъ опредѣленному нравственно-филосовскому міросозерцанію; но все таки онъ остался главной опорой психоаналитическаго движенія на своей родинѣ.

Въ дѣлѣ распространенія этого движенія самыя большія заслуги выпали далѣе на долю Брилля и Джонса. Въ своихъ трудахъ, съ, полнымъ самоотрѣченія, трудолюбіемъ они настойчиво указывали своимъ соотечественникамъ легко наблюдающіеся основные факты обыденной жизни, сновидѣнія и невроза. Брилль усилилъ это воздѣйствіе своей врачебной дѣятельностью и переводомъ моихъ трудовъ, Джонсъ поучительными докладами и остроумными дискуссіями на американскихъ конгрессахъ. Отсутствіе глубоко укоренившихся научныхъ традицій и меньшая строгость оффиціальнаго авторитета были бесусловно благопріятны данному Стенллей Голломъ въ Америкѣ толчку. Характернымъ для тамошнихъ условій было то, что съ самаго начала профессора и руководители психіатрическихъ больницъ были причастны къ анализу въ той же мѣрѣ, какъ и самостоятельные практики. Но именно поэтому ясно, что борьба за психоанализъ должна рѣшиться тамъ, гдѣ было оказано намъ большее сопротивленіе, на почвѣ старыхъ центровъ культуры.

Изъ европейскихъ странъ до сихъ поръ Франція оказывалась наиболѣе невоспріимчивой къ психоанализу, хотя заслуживающія полной похвалы работы цюрихца. А Медеръ. сдѣлали его легко доступнымъ французскому читателю. Первыя выраженія сочувствія пришли изъ французской провинціи. Моришо Бошанъ (Poitiers) былъ первымъ французомъ, открыто признавшимъ психоанализъ. Режи иРеснаръ (Бордо) совсѣмъ недавно (1913) попытались разсѣять предубѣжденія своихъ соотечественниковъ противъ новаго ученія въ подробномъ и полномъ пониманія изложеніи, высказывая сомнѣніе еще только въ вопросѣ о символикѣ.

Въ самомъ Парижѣ, кажется, еще господствуетъ убѣжденіе, которое такъ краснорѣчиво излагалъ Жанэ на лондонскомъ конгрессѣ 1913 г., что все, что въ психоанализѣ вѣрнаго повторяетъ съ небольшими измѣненіями взгляды Жанэ, все же остальное никуда не годится. Жанэ пришлось еще на самомъ конгрессѣ выслушать рядъ указаній и исправленій со стороны Джонса, который указалъ ему на недостаточное знакомство съ предметомъ. Несмотря на это мы не можемъ забыть его заслуги въ области психологіи неврозовъ, хотя и отклоняемъ его притязанія.

Въ Италіипослѣ нѣсколькихъ многообѣщающихъ начинаній, дальнѣйшаго участія въ психоаналитическомъ движеніи не послѣдовало. Въ Голландію анализъ, благодаря личнымъ отношеніямъ, проникъ рано; ванъ Эмденъ, ванъ-Опуйсенъ, ванъ-Реншергемъ („Freud en zijn School") и оба Штейрке работаютъ тамъ съ успѣхомъ теоретически и практически. Интересъ научныхъ круговъ Англіи къ анализу развился очень медленно, но всѣ признаки говорятъ за то, что именно тамъ предстоитъ ему блестящій расцвѣтъ, благодаря склонности англичанъ ко всему фактическому, и страстности, съ которой они становятся на защиту справедливости

Въ Швеціи Бьерре, преемникъ Ветерштранда въ области врачебной практики, по крайней мѣрѣ временно отказался отъ внушенія въ гипнозѣ въ пользу психоаналитическаго леченія. Р. Фогтъ (Христіанія) съ уваженіемъ говоритъ о психоанализѣ въ своихъ „Psykiatriens Grundtrack", такъ что первый учебникъ психіатріи, въ которомъ упоминается о психоанализѣ былъ написанъ на норвежскомъ языкѣ. Въ Россіи психоанализъ весьма извѣстенъ и распространенъ; почти всѣ мои книги, какъ и другихъ приверженцевъ анализа переведены на русскій языкъ. Но болѣе глубокое пониманіе психоаналитическихъ ученіи еще не установилось. Научные вклады русскихъ врачей и психіатровъ въ область психоанализа можно до настоящаго времени считать незначительными. Только Одесса имѣетъ въ лицѣ М. Вульфа представителя аналитической школы. Введеніе психоанализа въ польскую науку и литературу есть, главнымъ образомъ, заслуга Л. Іекельса. Такъ близко связанная съ Австріей географически и столь чуждая ей въ научномъ отношеніи Венгрія подарила психоанализу только одного сотрудника, С. Ференчи, но такого, который стоитъ цѣлаго ферейна.

Положеніе психоанализа въ Германіи нельзя иначе описать, какъ констатируя, что онъ стоитъ въ центрѣ научной дискуссіи и вызываетъ у врачей, какъ и у неспеціалистовъ выраженія самаго рѣшительнаго отрицанія, которыя до сихъ поръ не прекратились и постоянно все снова подымаются, временами усиливаясь. Никакое оффиціальное учебное заведеніе до сихъ поръ не допустило психоанализа, врачи, успѣшно

примѣняющіе его на практикѣ малочисленны; только немногія лечебницы, напр. Бинсвангера въ Крейцлингенѣ и Марциновскаго въ Гольштиніи, открыли ему двери. На критической почвѣ Берлина подвизается одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей анализа, Карлъ Абрагамъ, бывшій ассистентъ Блейлера. Можно было бы удивляться, что это положеніе вещей остается неизмѣннымъ уже въ теченіе ряда лѣтъ, если бы не было извѣстно, что данное выше описаніе передаетъ только внѣшнюю видимость. Не слѣдуетъ преувеличивать значеніе оффиціальныхъ представителей науки и руководителей лечебныхъ заведеній, такъ же какъ и зависящей отъ нихъ ученой молодежи. Понятно, что противники громко подымаютъ голосъ, въ то время, какъ запуганные приверженцы сохраняютъ покой. Многіе изъ послѣднихъ, первые вклады которыхъ въ психоанализъ будили хорошія ожиданія, потомъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ, отстранились отъ движенія.

Но само движеніе втихомолку неудержимо развивается, вербуетъ постоянно новыхъ приверженцевъ среди психіатровъ и неспеціалистовъ, доставляетъ психоаналитической литературѣ постоянно возрастающее число читателей, и именно этимъ побуждаетъ противниковъ къ все болѣе сильнымъ попыткамъ противодѣйствія. Уже съ дюжину разъ пришлось мнѣ въ теченіе этихъ лѣтъ читать въ отчетахъ о работахъ нѣкоторыхъ конгрессовъ и научныхъ засѣданій ферейновъ или въ рефератахъ послѣ нѣкоторыхъ публикацій: ну, теперь психоанализъ мертвъ, окончательно побѣжденъ и уничтоженъ! Отвѣтъ могъ бы гласить подобно телеграммѣ Марка Твэна въ газету, помѣстившую ложное извѣстіе о его смерти: извѣстіе о моей смерти сильно преувеличено. Послѣ каждаго изъ этихъ извѣстій о смерти, психоанализъ пріобрѣталъ новыхъ приверженцевъ и сотрудниковъ или создавалъ себѣ новые органы. Объявленіе мертвымъ было все же шагомъ впередъ въ сравненіи съ полнымъ замалчиваніемъ.

Одновременно съ описаннымъ пространственнымъ распространеніемъ психоанализа произошло обогащеніе его содержанія, благодаря перенесенію его съ невропатологіи (ученія о неврозахъ) и психіатріи на другія области знанія. Эту часть исторіи развитія нашей дисциплины я не стану подробно излагать, такъ какъ превосходный трудъ Ранка и Закса (въ Grenzfragen Левенфельда) излагаетъ именно эти результаты аналитической работы.

Впрочемъ, все это въ зародышѣ, мало разработано, большею частью только начинанія, а иногда даже одни лишь намѣренія. Кто справедливо разсуждаетъ, тотъ не найдетъ въ этомъ обстоятельствѣ никакого основанія для упрека. Передъ чудовищной массой заданій стоитъ небольшое число работниковъ, большая часть которыхъ работаетъ главнымъ

образомъ въ какой нибудь другой области, и вынуждена браться за спецiальныя проблемы съ неподготовленностью диллетантовъ Эти приходящiе отъ психоанализа работники нисколько не скрываютъ, что они диллетанты, они хотятъ быть только путеводителями и сторожевыми постами для спецiалистовъ и рекомендовать последнимъ аналитическую технику и предпосылки для примѣненiя въ ихъ работахъ. Если достигнутые результаты уже и теперь не незначительны, то это, съ одной стороны, слѣдствiе продуктивности аналитической методики, съ другой стороны за это слѣдуетъ благодарить то обстоятельство, что уже и теперь имѣются изслѣдователи, которые, не будучи сами врачами, поставили задачей своей жизни примѣненiе психоанализа къ наукамъ о духѣ. Большая часть этихъ трудовъ исходитъ, какъ это вполнѣ понятно, изъ указанiй, данныхъ въ моихъ первыхъ аналитическихъ работахъ. Аналитическое изслѣдованiе нервнобольныхъ и невротическихъ симптомовъ нормальныхъ людей дало основанiе предполагать такiя психологическiя соотношенiя, которыя никакъ не могутъ имѣть значенiе только въ той области, въ которой они стали извѣстны. Такимъ образомъ анализъ не только далъ намъ объясненiе патологическихъ процессовъ, но показалъ также и связь ихъ съ нормальной душевной жизнью; онъ открылъ непредполагавшiяся отношенiя между психiатрiей и различными другими науками, содержанiемъ которыхъ была душевная дѣятельность

Исходя изъ аналитическаго объясненiя типическихъ сновидѣнiй, стало возможнымъ пониманiе многихъ миѳовъ и сказокъ. Риклинъ и Абрагамъ послѣдовали этому указанiю и начали тѣ изслѣдованiя миѳовъ, которыя впослѣдствiи нашли свое завершенiе въ трудахъ Ранка по миѳологiи, отвѣчающихъ всѣмъ требованiямъ спецiалистовъ. Дальнѣйшая разработка символики сновидѣнiй привела къ важнѣйшимъ проблемамъ миѳологiи, фолклора (Джонсъ, Шторферъ) и религiозныхъ абстракцiй. Глубокое впечатлѣнiе на слушателей произвелъ на одномъ изъ психоаналитическихъ конгрессовъ одинъ ученикъ Юнга, доказавшiй сходство шизофреническихъ фантазiй съ космогонiями эпохи первобытныхъ племенъ. Не совсѣмъ убѣдительную, но все же очень интересную обработку нашелъ позднѣе миѳологическiй матерiалъ въ работахъ Юнга, который хотѣлъ установить связи между невротикой, религiозными и миѳологическими фантазiями.

Другой путь велъ отъ изслѣдованiя сновидѣнiй къ анализу поэтическихъ творенiй и, наконецъ, самихъ поэтовъ и художниковъ На первомъ этапѣ его оказалось, что вымышленные поэтами сны часто поддаются такъ же анализу какъ и настоящiе (Gradiva). Пониманiе безсознательной душевной дѣятельности дало впервые возможность получить представленiе о сущности творческой работы поэта. Настоящее

пониманіе значенія инстинктивныхъ влеченій, которое необходимо вытекало изъ изслѣдованій невроза позволило уяснить источники художественнаго творчества и выдвинуло проблему о томъ, какимъ образомъ художникъ реагируетъ на эти импульсы и какими средствами маскируетъ свои реакціи. (Ранкъ, Der Künstler анализы поэтовъ Задгера, Рейка и другихъ, моя маленькая книжка объ одномъ воспоминаніи дѣтства Леонардо да Винчи, Абрагама анализъ Сегантини). Большая часть аналитиковъ, не чуждыхъ широкихъ интересовъ, приняло своими трудами участіе въ разработкѣ этой самой привлекательной проблемы изъ числа тѣхъ, къ которымъ примѣненъ былъ психоанализъ Естественно и здѣсь не обошлось безъ возраженій со стороны лицъ незнакомыхъ съ психоализомъ, и выражались онѣ въ такомъ же непониманіи и страстномъ отрицаніи, какъ и на родной почвѣ психоализа. Съ самаго начала слѣдовало ожидать, что повсюду, куда бы не проникъ психоанализъ, ему придется выдержать ту же самую борьбу съ мѣстными силами Только эти попытки вторженія возбудили еще не во всѣхъ областяхъ вниманіе, какое имъ предстоитъ въ будущемъ Среди строго научныхъ литературныхъ примѣненій анализа на первомъ мѣстѣ стоитъ солидный трудъ Ранка объ инцестѣ, содержаніе котораго несомнѣнно вызоветъ въ высшей степени враждебное отношеніе Лингвистическія и историческія работы на почвѣ психоанализа еще немногочислены. Я самъ осмѣлился въ 1910 г. впервые коснуться религіозно-психологической проблемы, проведя параллель между религіознымъ церемоніаломъ и невротическимъ. Священникъ Dr. Пфистеръ въ Цюрихѣ въ своей работѣ о набожности графа von Zirndorf такъ же, какъ и въ другихъ работахъ доказалъ, что религіозная мечтательность сводится къ проявленіямъ извращенной эротики; въ послѣднихъ работахъ цюрихской школы наблюдается, наоборотъ, намѣренное введеніе въ анализъ религіозныхъ представленій.

Въ четырехъ статьяхъ о Totem и Tabu я сдѣлалъ попытку разработать съ помощью психоанализа проблему психологіи народовъ, которая вела непосредственно къ происхожденію нашихъ важнѣйшихъ культурныхъ установленій: государственныхъ порядковъ, нравственности, религіи также и къ запретамъ кровосмѣсительства и повелѣніямъ совѣсти. Насколько выяснившіяся при этомъ взаимоотношенія будутъ способны выдержать критику, въ настоящее время еще знать нельзя.

Первый примѣръ примѣненія аналитическаго мышленія къ эстетическимъ темамъ дала моя книга объ „остротѣ“. Все дальнѣйшее ждетъ еще работниковъ, которые какъ разъ въ этой области могутъ ждать богатой жатвы. Повсюду здѣсь недостатокъ въ рабочихъ силахъ изъ соотвѣтствующихъ

научныхъ спеціальностей, для привлеченія которыхъ Гансъ Саксъ основалъ въ 1912 году редактируемый имъ и Ранкомъ журналъ „Jmago“. Психоаналитическому освѣщенію философскихъ системъ и личностей Гитчманъ и фонъ Винтерштейнъ положили тамъ же начало, которому остается пожелать продолженія и углубленія.

Производящія впечатлѣніе полнаго переворота открытія психоанализа въ области душевной жизни ребенка, значеніе полового влеченія для послѣдняго (Ф. Гугъ-Гельмутъ) и дальнѣйшая судьба тѣхъ составныхъ частей сексуальности, которыя не служатъ цѣлямъ продолженія рода, уже очень рано должны были привлечь вниманіе къ педагогикѣ и вызвать попытку и въ этой области выдвинуть на первый планъ аналитическую точку зрѣнія. Заслуга пастора Пфистера состоитъ въ томъ, что онъ, полный энтузіазма, первый сдѣлалъ подобное примѣненіе изъ анализа и познакомилъ съ нимъ воспитателей и духовныхъ пастырей (Die psychoanalytische Metode, 1913. Erster Band des Pädagogium von Meumann und Messmer). Ему удалось привлечь къ участію въ своихъ научныхъ интересахъ цѣлый рядъ швейцарскихъ педагоговъ. Иные изъ членовъ его сословія какъ будто раздѣляютъ его убѣжденія, но предпочитаютъ, въ цѣляхъ предосторожности держаться въ тѣни. Отколовшаяся часть вѣнскихъ аналитиковъ, отправляясь отъ психоанализа, повидимому, остановилась на своеобразной врачебной педагогикѣ (Адлеръ и Фуртмиллеръ, Heilen und Bilden, 1913).

Въ этихъ неполныхъ набраскахъ я попытался указать на не поддающееся еще разсмотрѣнію обиліе отношеній, которыя удалось установить между врачебнымъ психоанализомъ и другими научными областями. Здѣсь имѣется достаточный матеріалъ для работы цѣлаго поколѣнія научныхъ изслѣдователей, и я не сомнѣваюсь, что эта работа будетъ сдѣлана, какъ только будетъ преодолѣно сопротивленіе противъ анализа на его родной почвѣ [1]).

Писать исторію этихъ сопротивленій я считаю въ настоящее время безцѣльнымъ и несвоевременнымъ. Не очень то дѣлаетъ она честь мужамъ науки нашихъ дней. За одно уже добавлю, что мнѣ никогда не приходило въ голову съ презрѣніемъ ругать безъ разбора всѣхъ противниковъ психоанализа только потому, что они были противниками. Исключеніе составляютъ нѣсколько недостойныхъ личностей, авантюристовъ и карьеристовъ, которые во время борьбы обыкновенно встрѣчаются въ обоихъ лагеряхъ. Я уже умѣлъ объяснить себѣ отношеніе этихъ противниковъ и къ тому же узналъ по опыту, что психоанализъ обнаруживаетъ въ каж-

---

[1]) Ср. еще обѣ мои статьи въ „Scientia“ (vol XIV 1913) Das Jnterisse an der Psychoanalyse.

домъ человѣкѣ все то, что есть въ немъ наихудшаго. Но я рѣшилъ не отвѣчать и, насколько моего вліянія достаточно было, удерживать и другихъ отъ полемики Польза публичной или литературной дискуссіи при особыхъ условіяхъ борьбы за психоанализъ казалась мнѣ весьма сомнительной, большинство на конгрессахъ и въ засѣданіяхъ ферейновъ было заранѣе извѣстно, а мое довѣріе къ справедливости и благородству господъ противниковъ всегда было не велико.

Изъ наблюденій извѣстно, что лишь немногимъ удается оставаться въ научномъ спорѣ въ предѣлахъ приличія, и еще менѣе не отклоняться отъ сути вопроса; я же всегда чувствовалъ отвращеніе къ научной перебранкѣ Возможно, что такой образъ дѣйствій съ моей стороны послужилъ причиной для недоразумѣній; меня стали считать столь добродушнымъ или даже запуганнымъ, что не приходилось уже далѣе обращать на меня какое либо вниманіе И совершенно невѣрно: я такъ же хорошо могу неистово браниться, какъ и всякій другой, но я никакъ не умѣю облекать въ литературную форму лежащіе въ основѣ всего этого аффекты и поэтому предпочитаю полное воздержаніе.

Пожалуй, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было бы лучше, если бы я далъ волю страстямъ, бурлившимъ во мнѣ и вокругъ меня. Всѣмъ намъ пришлось выслушать интересную попытку найти въ вѣнской средѣ объясненіе возникновенія психоанализа; еще въ 1913 году Жанэ не преминулъ воспользоваться этимъ для своихъ цѣлей, хотя онъ навѣрно гордится тѣмъ что онъ парижанинъ. Замѣтка эта гласитъ, что психоанализъ, respective утвержденіе, что неврозы происходятъ отъ аномалій половой жизни, могло возникнуть только въ такомъ городѣ, какъ Вѣна, въ атмосферѣ чувственности и безнравственности, чуждой другимъ городамъ, и представляетъ собою просто отраженье, такъ сказать теоретическую проэкцію этихъ специфическихъ условій вѣнской жизни. Ну, мнѣ то навѣрное чуждъ потріотизмъ своего околодка, но эта теорія всегда казалась мнѣ особенно безсмысленной, настолько безсмысленной, что я иной разъ склонялся къ предположенію, что упрекъ въ вѣнскомъ происхожденіи есть только болѣе приличная замѣна чего то другого, о чемъ неохотно говорятъ вслухъ Если бы вмѣсто предполагаемыхъ условій имѣли мѣсто прямо противоположныя, то тогда было бы еще о чемъ говорить. Предположимъ, что существуетъ городъ, жители котораго подвергаютъ себя особеннымъ ограниченіямъ въ области удовлетворенія полового влеченья и въ то же время проявляютъ особенную склонность къ тяжелымъ нервнымъ заболѣваніямъ,—тогда, разумѣется, такой городъ явился бы подходящей почвой, на которой наблюдателю могло бы прійти въ голову связать эти два факта и объяснить одинъ другимъ.

Но ни одно, ни другое предположенiе не подходятъ для Вѣны. Жители Вѣны не отличаются ни большимъ воздержанiемъ, ни болѣе повышенной нервностью, чѣмъ жители другихъ крупныхъ городовъ. Отношенiя между полами нѣсколько свободнѣй, чопорности меньше, чѣмъ въ кичащихся своимъ цѣломудрiемъ городахъ Запада и Сѣвера. Эти особенности вѣнской жизни скорѣй должны были бы ввести въ заблужденiе предполагаемаго наблюдателя, чѣмъ выяснить ему этiологiю неврозовъ.

Но городъ Вѣна тоже сдѣлалъ все, что могъ, чтобы устранить долю своего участiя въ возникновенiи психоанализа. Нигдѣ враждебная индифферентность ученыхъ и образованныхъ круговъ не даетъ себя такъ ясно чувствовать аналитику, какъ именно въ Вѣнѣ.

Быть можетъ и я самъ отчасти въ этомъ виноватъ, благодаря своей, избѣгающей широкой гласности, политикѣ. Если бы я самъ подалъ поводъ или далъ бы согласiе на то, чтобъ психоанализъ сталъ предметомъ обсужденiя на шумныхъ засѣданiяхъ вѣнскихъ медицинскихъ обществъ, причемъ бы разразились всѣ страсти, были бы высказаны всѣ упреки и ругательства, готовыя сорваться съ языка, и таившiяся въ мысляхъ, то гоненiе на психоанализъ было бы преодолѣно и онъ не былъ бы чужой въ своемъ родномъ городѣ. Ну, а теперь—видно правъ поэтъ, когда влагаетъ въ уста Валленштейну:

„Никакъ мнѣ вѣнцы не простятъ,
Что я лишилъ спектакля ихъ".

Задачу, до которой я не доросъ,—указать противникамъ психоанализа въ болѣе мягкой формѣ ихъ неправоту и произвольность ихъ заключенiй—взялъ на себя потомъ Блейлеръ въ 1911 году въ своемъ трудѣ (Die Psychoanalyse Freuds. Verteidigung und kritische Bemerkungen) и выполнилъ ее самымъ достойнымъ образомъ. То, что я расхваливаю этотъ направленный противъ обѣихъ сторонъ критическiй трудъ настолько само собой понятно, что я спѣшу заявить, какiе я въ немъ нахожу недостатки. Онъ кажется мнѣ все же пристрастнымъ, слишкомъ снисходительнымъ къ недостаткамъ противниковъ, слишкомъ строгимъ къ промахамъ сторонниковъ. Этой характерной чертой можно затѣмъ объяснить также и то, что сужденiе столь высоко авторитетнаго психiатра, компетентность и независимостьи котораго не подлежатъ никакому сомнѣнiю, не произвело на его товарищей по спецiальности болѣе сильное влiянiе. Для автора „Affektivität" (1906) ничего удивительнаго не должно быть въ томъ, что влiянiе научнаго труда зависитъ не отъ цѣнности его аргументацiи, а отъ основного аффективнаго тона. Другую часть своего влiянiи—влiянiя на сторонниковъ психоанализа — Блейлеръ позднѣе потерялъ,

проявивъ въ своей „Kritik der Freudschen Theorie" (1913) отрицательную сторону своего отношенія къ психоанализу. Онъ въ немъ разрушаетъ такъ много изъ зданія психоаналитическаго ученія, что противники, конечно, могутъ быть вполнѣ довольны содѣйствіемъ такого защитника психоанализа. Основаніемъ для такого осужденія Блейлеру служатъ не какіе либо новые аргументы или болѣе точныя наблюденія, но единственно ссылка на уровень его собственныхъ познаній, въ недостаточности которыхъ авторъ самъ не признается, какъ онъ это дѣлалъ въ болѣе раннихъ работахъ. Казалось, психоанализу грозилъ здѣсь такимъ образомъ трудно переносимый ударъ Но въ высказанномъ въ послѣдній разъ мнѣніи (Die Kritiken der Schizophrenie 1914), Блейлеръ, въ виду нападковъ, которымъ онъ подвергся за введеніе психоанализа въ свою книгу о шизофреніе, доходитъ до того, что онъ самъ называетъ „заносчивостью". „Теперь я позволю себѣ кой какую заносчивость. („Uberhebung"). Я полагаю, что различныя психологическія теоріи до сихъ поръ ужасно мало сдѣлали для выясненія соотношеній психогенетическихъ симптомовъ и заболѣваній, но что „психологія глубинъ" открываетъ часть той психологіи, которую только предстоитъ создать и которая необходима врачу для правильнаго пониманія и раціональнаго леченія его больныхъ, и думаю даже, что въ своей шизофреніи я сдѣлалъ хотя и очень незначительный шагъ впередъ къ этому пониманію. Первые два утвержденія, несомнѣнно, правильны, послѣднее, можетъ быть, и ошибочно". Такъ какъ подъ „психологіей глубинъ" разумѣется не что иное, какъ психоанализъ, то мы пока можемъ удовлетвориться такимъ признаніемъ.

III.

Mach's Kurz!
Am jungsten Tag ist's nur ein Furz
Goethe.

Спустя два года послѣ перваго, состоялся второй частный конгрессъ психоаналитиковъ, на этотъ разъ въ Нюрнбергѣ (мартъ 1910 г.). За этотъ промежутокъ времени подъ впечатлѣніемъ того пріема, который оказанъ былъ психоанализу въ Америкѣ, все возрастающаго враждебнаго отношенія въ нѣмецкихъ странахъ и неожиданнаго усиленія вслѣдствіе присоединенія цюрихской школы, у меня возникло намѣреніе, которое при содѣйствіи моего друга С. Ференчи, я и привелъ въ исполнен е на этомъ второмъ конгрессѣ. Я

рѣшилъ организовать психоаналитическое движеніе, перенести центръ его въ Цюрихъ и поставить во главѣ его человѣка, который позаботился бы о его будущности. Такъ какъ учрежденіе это вызвало среди сторонниковъ анализа много разногласій, я хочу подробнѣй изложить свои мотивы. И я надѣюсь тогда на оправданіе, если бы даже оказалось, что я дѣйствительно не сдѣлалъ ничего разумнаго. Я считалъ, что связь съ Вѣной молодому движенію идетъ не на пользу, а во вредъ. Пунктъ вродѣ Цюриха, сердце Европы, гдѣ академическій преподаватель далъ психоанализу доступъ въ свой институтъ, сулилъ мнѣ куда болѣе надеждъ. Далѣе, полагалъ я, что второй помѣхой является моя особа, оцѣнка которой слишкомъ спуталась изъ-за партійной ненависти и пристрастія; то меня сравнивали съ Дарвиномъ, Кеплеромъ, то ругали паралитикомъ. Я хотѣлъ поэтому отодвинуть себя на задній планъ такъ же, какъ и городъ, гдѣ возникъ психоанализъ. Къ тому же я не былъ болѣе молодъ видѣлъ передъ собой долгій путь и мнѣ было тяжело, что на мою долю въ столь поздніе годы выпала обязанность быть вождемъ. Но долженъ же быть вождь, полагалъ я. Слишкомъ хорошо узналъ я, какія заблужденія подстерегаютъ каждаго, кто сталъ заниматься анализомъ, и надѣялся, что можно избѣгнуть многихъ изъ нихъ, если установить какой нибудь авторитетъ, который былъ бы готовъ давать совѣты и наставленія. Такого рода авторитетомъ прежде всего обладалъ я, вслѣдствіе незамѣнимыхъ преимуществъ почти пятнадцатилѣтняго опыта. Мнѣ было поэтому важно передать эту авторитетную роль болѣе молодому человѣку, который послѣ моей смерти, разумѣется, сталъ бы моимъ замѣстителемъ. Таковымъ могъ быть только К. Г. Юнгъ, такъ какъ Блейлеръ былъ моимъ ровесникомъ, въ пользу же Юнга говорили его выдающееся дарованіе, внесенные имъ уже вклады въ анализъ, его независимое положеніе и впечатлѣніе увѣренной въ себѣ энергіи, которое производило все его существо. Къ тому жъ онъ выказалъ готовность вступить со мной въ дружескія отношенія и отказался ради меня отъ расовыхъ предразсудковъ, которые онъ раньше позволялъ себѣ. Я и не подозрѣвалъ тогда, какъ неудаченъ былъ этотъ выборъ при всѣхъ его выгодахъ, что палъ онъ на человѣка, который, не будучи способенъ подчиниться чьему бы то ни было авторитету, еще менѣе могъ самъ стать таковымъ и энергія котораго ушла на безпощадное преслѣдованіе своихъ собственныхъ интересовъ.

Форму оффиціальнаго общества я считалъ необходимой, такъ какъ опасался, что психоанализомъ станутъ злоупотреблять, какъ только онъ станетъ популярнымъ. Должна быть инстанція правомочная объявить: со всей этой безсмыслицей анализъ не имѣетъ ничего общаго, это не психоанализъ. Въ засѣданіяхъ мѣстныхъ группъ, изъ которыхъ образова-

лось интернацiональное общество, должны были учить, какъ вести анализъ, врачи должны были совершенствоваться и за дѣятельность ихъ могла быть дана своего рода гарантія. Мнѣ также казалось желательнымъ, чтобы сторонники психоанализа сходились для дружескаго общенія и взаимной поддержки, послѣ того, какъ оффиціальная наука предала анаѳемѣ и объявила бойкотъ врачамъ и учрежденіямъ, примѣнявшимъ его.

Всего этого и ничего другого не хотѣлъ я достичь основаніемъ „Интернаціональнаго психоаналитическаго общества“. Это, должно быть, было больще, чѣмъ то, что было достижимо Подобно тому, какъ моимъ противникамъ пришлось убѣдиться, что невозможно остановить новое движеніе, такъ и мнѣ предстояло убѣдиться въ томъ, что его не удастся везти по тому пути, который я для него предначерталъ. Сдѣланное Ференчи предложеніе было принято, Юнгъ избранный предсѣдателемъ, сдѣлалъ Риклина своимъ секретаремъ, рѣшено было также изданіе журнала, который связалъ бы центральный органъ съ мѣстными группами Цѣлью общества было указано: „Разработка и поощреніе основанной Фрейдомъ психоаналитической науки, какъ чистой психологіи, такъ и въ приложеніи къ медицинѣ и къ гуманитарнымъ наукамъ; взаимная поддержка членовъ во всѣхъ стремленіяхъ къ пріобрѣтенію и распространенію психоаналитическихъ знаній“. Но со стороны вѣнцевъ проэктъ встрѣтилъ сильное возраженіе. Адлеръ въ страстномъ возбужденіи высказалъ опасеніе, что тутъ имѣется въ виду цензура и ограниченіе научной свободы. Вѣнцы затѣмъ уступили послѣ того, какъ провели постановленіе, что центральный органъ общества будетъ не въ Цюрихѣ, а тамъ, гдѣ будетъ жить избранный на два года предсѣдатель.

На самомъ конгрессѣ сконструировались три мѣстныхъ группы: берлинская подъ предсѣдательствомъ Абрагама, цюрихская, которой пришлось уступить своего руководителя центральному управленію общества, и вѣнская, веденіе которой я предоставилъ Адлеру.

Четвертую группу, въ Будапештѣ можно было создать лишь позднѣе. Блейлеру помѣшала болѣзнь, онъ очутился вдали отъ конгресса, высказалъ затѣмъ позднѣе принципіальное соображеніе противъ вступленія въ общество и хотя, послѣ личнаго объясненія со мной, и согласился на это, но спустя короткое время, вслѣдствіе недоразумѣній въ Цюрихѣ, снова очутился внѣ его. Тѣмъ самымъ была порвана связь между Цюрихской мѣстной группой и лечебнымъ заведеніемъ Burghölzli.

Слѣдствіемъ Нюрнбергскаго конгресса было также основаніе журнала, „Zentralblatt für Psychoanalyse“, для котораго объедились Адлеръ и Штекель. Первоначально этотъ жур-

вернуть Вѣнѣ гегемонію, находившуюся въ опасности вслѣдствіе выбора Юнга. Но когда оба лица, предпринявшіе изданіе журнала, подъ давленіемъ трудности найти издателя, убѣдили меня въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ и, какъ залогъ своего образа мыслей, предоставили мнѣ право veto, я взялъ издательство на себя и сталъ ревностно сотрудничать въ новомъ органѣ, первый номеръ котораго появился въ сентябрѣ 1910 года.

Я продолжаю исторію психоаналитическихъ конгрессовъ. Третій конгрессъ состоялся въ сентябрѣ 1911 г. въ Веймарѣ и превзошелъ предыдущіе по настроенію и научному интересу. Дж. Патнемъ, присутствовавшій на этомъ собраніи, выразилъ затѣмъ въ Америкѣ свое удовлетвореніе и почтеніе передъ „the mental attitude" участниковъ его и цитировалъ мои слова относительно послѣднихъ: „Вы научились терпѣть извѣстную долю истины" [1]). Въ самомъ дѣлѣ, у каждаго, кто посѣщалъ научные конгрессы, должно было остаться впечатлѣніе, благопріятное для психоаналическаго общества. Я самъ велъ засѣданія на первыхъ двухъ конгресахъ, предоставлялъ каждому докладчику достаточно времени для его сообщеній, дискуссіи же я предоставилъ частному обмѣну мнѣній. Юнгъ, который въ Веймарѣ, въ качествѣ предсѣдателя, взялъ веденіе на себя, открывалъ дискуссіи послѣ каждаго доклада, что тогда еще не такъ сильно мѣшало.

Совсѣмъ другую картину представилъ спустя два года четвертый конгрессъ въ Мюнхенѣ, въ сентябрѣ 1913 г. воспоминіе о которомъ еще свѣжо у всѣхъ участниковъ. Юнгъ велъ его недостойнымъ и некорректнымъ образомъ, докладчики были ограничены во времени, пренія превзошли по времени доклады. Злой духъ Гохе свилъ себѣ по ироніи судьбы гнѣздо въ томъ домѣ, гдѣ аналитики вели засѣданія. Гохе могъ бы безъ особеннаго труда убѣдиться, какъ они доводятъ до абсурда его характеристику фанатической секты, которая слѣпо слѣдуетъ за своимъ вождемъ. Утомительныя и непріятныя засѣданія привели къ повторному избранію Юнга въ предсѣдатели интернаціональнаго общества, которое Юнгъ принялъ, хотя двѣ пятыхъ изъ числа присутствовавшихъ отказали ему въ своемъ довѣріи. Мы разстались безъ потребности встрѣтиться снова.

Состояніе интернаціональнаго психоаналитическаго общества ко времени этого конгресса было слѣдующее: мѣстныя группы Вѣны, Берлина, Цюриха создались уже на конгрессѣ въ Нюрнбергѣ въ 1910 году. Въ маѣ 1911 г. прибавилась еще группа въ Мюнхенѣ подъ предсѣдательствомъ д-ра Л. Зейфа. Въ томъ же году образовалась первая аме-

---

[1]) On Freuds Psycho-Anolytic Method and its evolution. Boston medical and surgical Journal, 25 Jan. 1912.

риканская мѣстная группа подъ названіемъ: „The Neu Iork Psychoanalytic Society, подъ предсѣдательствомъ A. Брилля. На веймарскомъ конгрессѣ было рѣшено основаніе второй американской мѣстной группы, которая въ теченіе ближайшаго года вступила въ жизнь, какъ „American Psyshoanalytic Association“, объединила членовъ изъ Канады и всей Америки и выбрала Патнема своимъ президентомъ и Е. Джонса секретаремъ. Незадолго до мюнхенскаго конгресса (1913) начала дѣйствовать Будапештская мѣстная группа подъ предсѣдательствомъ С. Ференчи. Вскорѣ послѣ того, переселившись въ Лондонъ, Е. Джонсъ основалъ тамъ первую англійскую группу. Число членовъ существующихъ нынѣ восьми мѣстныхъ группъ не даетъ конечно никакого критерія для сужденія о количествѣ послѣдователей и сторонниковъ психоанализа. Заслуживаетъ также краткаго упоминанія и развитіе психоаналитической періодической прессы. Первое періодическое изданіе, служившее анализу были „Schriften zur angevandten Seelenkunde“, которые черезъ неопредѣленные промежутки появлялись съ 1907 года и теперь достигли пятнадцатаго выпуска. (Издатель сначала H. Heller въ Вѣнѣ, затѣмъ F. Dcutike). Они дали Фрейда (1 и 7), Риклина, Юнга, Абрагама (4 и 11), Ранка (5 и 13), Задгера, Пфистера, М. Графа, Джонса (10 и 14), Шторфера и ф. Гугъ-Гельмута. Основаніе „Jmago“, о которомъ придется упомянуть позднѣе, нѣсколько понизило цѣнность этого изданія. Послѣ зальцбургскаго съѣзда (1908) былъ вызванъ къ жизни „Jahrbúch für psychoanalytische únd psychopathologische Forchungen“, который подъ редакціей Юнга, выдержалъ пять лѣтъ изданія и теперь подъ новой редакціей и съ нѣсколько измѣненнымъ названіемъ, „Jahrbúch der Psychoanalyse“, вновь выходитъ въ свѣтъ. Онъ также не желаетъ болѣе, какъ въ послѣдніе годы прежній Jarbuch, быть архивомъ, который собираетъ однородныя работы, но желаетъ удовлетворять своей задачѣ редакціонной дѣятельностью, которая старается подвергнуть оцѣнкѣ всѣ цроцессы и всѣ пріобрѣтенія въ области психоанализа. „Zentralblatt für Psychoanalyse“, какъ упомянуто выше, задуманный Адлеромъ и Штекелемъ, послѣ основанія интернаціональнаго ферейна (Nürnberg 1910) въ короткое время пережилъ много перемѣнъ. Уже десятый выпускъ перваго тома выходитъ съ извѣстіемъ на первой страницѣ, что д-ръ Альфредъ Адлеръ рѣшилъ добровольно выступить изъ редакціи, вслѣдствіе научныхъ разногласій съ издателемъ. Докторъ Штекель остался съ тѣхъ поръ единственнымъ редакторомъ (лѣто 1911 г.). На веймарскомъ конгрессѣ Zentralblatt сдѣлался оффиціальнымъ органомъ интернаціональнаго ферейна и сталъ высылаться всѣмъ членамъ за повышенный годичный членскій взносъ. Съ третьяго номера второго года изданія (зимой 1916 г.) Штекель сталъ

единственнымъ лицомъ, отвѣтственнымъ за содержаніе журнала. Его съ трудомъ поддающееся публичному описанію, поведеніе заставило меня сложить съ себя издательство и поспѣшно создать психоанализу новый органъ „Internationale Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse“, при содѣйствіи почти всѣхъ сотрудниковъ и новаго издателя Г. Геллера. Первый выпускъ этого журнала могъ появиться въ январѣ 1913 г. и стать вмѣсто Centralblatt'а оффиціальнымъ органомъ интернаціональнаго психоаналитическаго общества.

Между тѣмъ съ начала 1912 г. д-ръ Ганзъ Саксъ и д-ръ Отто Ранкъ создали новый журналъ „Jmago“ (изданіе Г. Геллера), предназначавшійся исключительно для примѣненія психоанализа къ гуманитарнымъ наукамъ. Jmago находится теперь въ серединѣ третьяго года изданія и завоевываетъ все увеличивающійся интересъ такихъ читателей, которые далеки отъ врачебнаго анализа.

Кромѣ этихъ четырехъ періодическихъ изданій (Sehriften zur angev. Seelenkúnde, Jahrbúch, Jntern. Zeitsehriftu Jmago) и другіе нѣмецкіе и иностранные журналы помѣщаютъ работы, которыя могутъ занять мѣсто въ психоаналитической литературѣ Издаваемый Мортонъ Прэнсомъ „Journal of abnormal psychology“ содержитъ обычно такъ много хорошихъ аналитическихъ статей, что его можно считать главнымъ представителемъ аналитической литературы въ Америкѣ. Зимой 1913 г. Е. Елиффэ въ Нью-Іоркѣ выпустилъ въ свѣтъ новый, посвященный исключительно психоанализу, журналъ (The Psychoanalytic Review), который, конечно, считается съ тѣмъ фактомъ, что для большинства интересующихся анализомъ американскихъ врачей нѣмецкій языкъ можетъ послужить препятствіемъ.

Мнѣ приходится теперь упомянуть о двухъ отдѣлившихся отъ психоанализа теченіяхъ среди сторонниковъ психванализа; первое изъ нихъ проявилось между основаніемъ ферейна (1910) и веймарскимъ конгрессомъ (1911), второе послѣ этого въ Мюнхенѣ (1913). Разочарованіе, которое они мнѣ принесли, можно было бы избѣгнуть, если бы больше обращали вниманія на то, что происходитъ съ подвергающимися психоаналитическому леченію. А именно, я очень хорошо понималъ, что при первомъ знакомствѣ съ горькими истинами психоанализа можно обратиться въ бѣгство и самъ всегда утверждалъ, что пониманію каждаго мѣшаютъ его вытѣсненія (respektive сохраняющія ихъ сопротивленія), такъ что въ своемъ отношеніи къ анализу можно дойти только до опредѣленнаго пункта. Но я не ожидалъ, чтобы при опредѣленномъ глубокомъ пониманіи анализа, можно было вновь отказаться отъ своего пониманія, потерять его. И все же повседневный опытъ на больныхъ показалъ, что абсолютное отклоненіе аналитическихъ истинъ можетъ исходить

изъ тѣхъ глубокихъ слоевъ, въ которыхъ имѣется особенно сильное сопротивленіе; если тяжелымъ трудомъ добиться у такого больного, чтобъ онъ усвоилъ часть психоаналитическаго знанія, и научился пользоваться имъ, какъ собственнымъ умственнымъ достояніемъ, то на немъ же можно убѣдиться, что будучи опять во власти слѣдующаго сопротивленія, онъ пускаетъ по вѣтру всю свою науку и вновь начинаетъ сопротивляться, какъ въ тѣ прекрасные дни, когда онъ былъ еще новичкомъ. Мнѣ пришлось убѣдиться, что съ психоаналитиками дѣло обстоитъ такъ же, какъ и съ больными при анализѣ.

Совсѣмъ нелегкая и незавидная задача — писать исторію этихъ двухъ отколовшихся движеній, потому что съ одной стороны у меня нѣтъ на то достаточно сильныхъ личныхъ побужденій—я не жду благодарности и не въ достаточной степени мстителенъ—съ другой стороны, я знаю, что тѣмъ самымъ навлекаю на себя позоръ въ глазахъ не очень то достойныхъ противниковъ и доставляю врагамъ страстно желанное зрѣлище, какъ психоаналитики терзаютъ другъ друга. Мнѣ стоило столько борьбы съ собой, чтобъ не имѣть съ противниками дѣла внѣ анализа, теперь же я вижу себя вынужденнымъ начать борьбу съ прежними сторонниками, или съ тѣми, которые и теперь желаютъ именоваться таковыми. Но у меня нѣтъ другого выбора, молчать было бы лѣнью или трусостью и болѣе повредило бы дѣлу, чѣмъ открытое разоблаченіе существующихъ недостатковъ. Кто слѣдилъ за другими научными движеніями, тотъ знаетъ, что вполнѣ аналогичныя разстройства и недоразумѣнія обычно имѣютъ мѣсто и тамъ. Пожалуй только то, что кой гдѣ старательнѣй ихъ скрываютъ; психоанализъ, отрицающій много условныхъ идеаловъ, и въ этомъ отношеніи откровеннѣй.

Другое сильное неудобство заключается въ томъ, что я не могу вполнѣ избѣгнуть аналитическаго освѣщенія обѣихъ противныхъ сторонъ. Анализъ же не годится для полемическихъ пріемовъ. Онъ предполагаетъ согласіе анализируемаго и положеніе авторитета и подчиняющагося ему. Кто поэтому прибѣгаетъ къ анализу въ цѣляхъ полемическихъ, тотъ долженъ быть готовъ къ тому, что и анализируемый обратитъ противъ него анализъ и эта дискуссія приметъ такую форму, что возможность составить себѣ убѣжданіе для безпристнаго третьяго лица будетъ совершенно исключена. Я доведу поэтому до минимума анализъ, тѣмъ самымъ нескромность и агрессивность по отншенію къ своимъ противникамъ и прибавлю къ тому же, что научную критику я не обосновываю такими средствами. Я не касаюсь того, что, можетъ быть, и истинно въ отвергнутыхъ мною ученіяхъ, не пытаюсь ихъ опровергать. Пусть это будетъ предоставлено другимъ призваннымъ работникамъ въ области психоанализа, отчасти это уже и сдѣлано. Я хочу только показать,

что и въ какихъ пунктахъ эти ученія отрицаютъ основныя положенія анализа и поэтому не должны называться этимъ именемъ. И такъ, анализъ мнѣ нуженъ только для того, чтобъ объяснить, какъ могли возникнуть у аналитиковъ эти уклоненія отъ анализа. Во всякомъ случаѣ, въ пунктахъ расхожденія я долженъ защищать права психоанализа также и критическими замѣчаніями.

Психоанализъ поставилъ своей ближайшей задачей объясненіе неврозовъ и взялъ за исходные пункты оба факта - сопротивленія и переноса и, принимая во вниманіе третій фактъ амнезіи, далъ имъ объясненіе въ теоріяхъ о вытѣсненіи, сексуальныхъ двигательныхъ силахъ невроза и о безсознательномъ. Онъ никогда не предъявлялъ претензій на то, чтобъ вообще дать исчерпывающую теорію душевной жизни человѣка, но требовалъ только, чтобы примѣняли его сообщенія для дополненія и корректуры нашего знанія, пріобрѣтеннаго любымъ инымъ путемъ. Теорія Альфреда Адлера идетъ гораздо дальше этой цѣли; она хочетъ поведеніе и характеръ людей объяснить тѣмъ же пріемомъ, что и невротическія и психотическія заболѣванія ихъ; она дѣйствительно болѣе соотвѣтствуетъ всякой другой области, чѣмъ области невроза, которую она все же выставляетъ на первый планъ, вслѣдствіе мотивовъ исторіи своего возникновенія. Я въ теченіе многихъ лѣтъ имѣлъ возможность изучать д-ра Адлера и всегда отзывался о немъ, какъ о крупномъ умѣ, особенно склонномъ къ абстрактному мышленью. Какъ примѣръ „преслѣдованій", которымъ, какъ онъ утверждалъ, онъ подвергался съ моей стороны, я могу привести, что послѣ основанія ферейна я передалъ ему веденіе вѣнской группы. Только настоятельныя требованія всѣхъ членовъ ферейна побудили меня взять на себя снова предсѣдательство въ научныхъ засѣданіяхъ. Когда я узналъ его малоспособность къ оцѣнкѣ именно безсознательнаго матеріала, я сталъ ожидать, что онъ сумѣетъ открыть связь психоанализа съ психологіей и біологическими основами процессовъ влеченій (Triebvorgänge), на что давали мнѣ право, до извѣстной степени, его цѣнные труды по малоцѣнности органовъ. Онъ дѣйствительно создалъ нѣчто подобное, но его трудъ вышелъ такимъ, какъ будто бы —(als ob) говоря на его жаргонѣ - онъ былъ предназначенъ для доказательства того, что психоанализъ во всѣхъ отношеніяхъ неправъ и отстаиваетъ значеніе сексуальныхъ факторовъ только изъ за легковѣрнаго отношенія къ разсказамъ невротиковъ. О чисто личныхъ мотивахъ его дѣятельности также приходится говорить публично, такъ какъ онъ самъ раскрылъ ихъ въ небольшомъ кругу членовъ вѣнской группы заявленіемъ: „Думаете ли Вы, что для меня большое удовольствіе всю жизнь стоять въ Вашей тѣни?" Я не вижу

еще ничего недостойнаго, когда молодой человѣкъ открыто сознается въ своемъ честолюбіи, которое и безъ того можно предполагать, какъ одну изъ пружинъ его работы. Но и во власти такого мотива надо было бы сумѣть избѣгать стать тѣмъ, что англичане, при ихъ деликатномъ общественномъ тактѣ, называютъ „unfair" — понятіе, для котораго у нѣмцевъ куда болѣе грубое выраженіе. Какъ мало это удалось Адлеру показываетъ масса мелочной злобы, которая искажаетъ его труды, и черты необузданной страсти въ претензіяхъ на первенство, которыя скрываются въ нихъ. Въ вѣнскомъ психоаналитическомъ обществѣ намъ пришлось однажды прямо услышать, что онъ претендуетъ на первенство въ дѣлѣ выясненія взгляда о „единствѣ неврозовъ" и о „динамическомъ" пониманіи ихъ. Это было для меня большимъ сюрпризомъ, такъ какъ я всегда полагалъ, что я отстаивалъ оба эти принципа, еще прежде чѣмъ познакомился съ Адлеромъ.

Это стремленіе Адлера къ „мѣсту подъ солнцемъ" имѣло еще одно послѣдствіе, которое психоанализъ долженъ ощущать, какъ благодѣтельное. Когда я, по обнаруженіи непримиримыхъ научныхъ противорѣчій, заставилъ Адлера выйти изъ состава редакціи Zentralblatta, онъ оставилъ и общество и основалъ новый ферейнъ, которому далъ красивое названіе „Ферейнъ для свободнаго психоанализа." Но люди, стоящіе въ сторонѣ отъ анализа, очевидно, такъ же мало способны разобраться въ различіи въ воззрѣніяхъ двухъ психоаналитиковъ, какъ и мы, европейцы, способны разобраться въ нюансяхъ, которыми лицо одного китайца отличается отъ другого. „Свободный" психоанализъ продолжалъ оставаться въ тѣни „оффиціальнаго", „ортодоксальнаго" психоанализа и считаться только придаткомъ послѣдняго. Тогда Адлеръ сдѣлалъ заслуживающій благодарности шагъ, порвавши всякую связь съ психоанализомъ, отграничивъ отъ него свое ученіе, какъ „индивидуальную психологію." Въ мірѣ Божьемъ такъ много мѣста и всякій, кто только можетъ, имѣетъ право безъ стѣсненій шататься по бѣлу свѣту. Но нежелательно жить подъ одной крышей, когда уже болѣе не понимаютъ и не переносятъ другъ друга. „Индивидуальная психологія" Адлера въ настоящее время составляетъ одно изъ многочисленныхъ психологическихъ теченій, враждебныхъ психоанализу, дальнѣйшее развитіе которыхъ лежитъ внѣ круга его интересовъ.

Теорія Адлера съ самаго начала была „системой", чего психоанализъ старательно избѣгалъ. Она также превосходный примѣръ „вторичной обработки", которую продѣлываетъ надъ матеріаломъ сновидѣній наше бодрствующее мышленіе. Матеріалъ сновидѣній въ этомъ случаѣ замѣняется вновь пріобрѣтеннымъ матеріаломъ психоаналитиче-

скихъ изслѣдованій, но принимается обычно съ точки зрѣнія собственнаго „я", подводится подъ обычныя для этого „я" категоріи. подвергается измѣненіямъ и точно такъ же ложно и неправильно истолковывается, какъ это имѣегъ мѣсто и при образованіи сновидѣній. Теорія Адлера характеризуется не столько тѣмъ, что она утверждаетъ, сколько тѣмъ, что отрицаетъ; она состоитъ изъ трехъ неравноцѣнныхъ элементовъ: довольно приличныхъ вкладовъ въ психологію „я", излишнихъ, но пріемлемыхъ переводовъ установленныхъ психоанализомъ фактовъ на новый жаргонъ и изъ искаженія и запутыванія послѣднихъ, по скольку они не соотвѣтствуютъ предпосылкамъ „я". Психоанализъ всегда признавалъ элементы перваго рода, хотя и не обязанъ былъ удѣлять имъ особое вниманіе. Куда большій интересъ составляло показать, что ко всѣмъ стремленіямъ „я" примѣшиваются либидинозные компоненты. Въ противоположность этому ученіе Адлера подчеркиваетъ эгоистическія добавленія къ либидинознымъ влеченіямъ. Это было бы значительнымъ выигрышемъ, если-бъ Адлеръ не пользовался этимъ положеніемъ, чтобъ отрицать изъ за компонентовъ влеченій „я" либидинозныя душевныя движенія. Въ данномъ случаѣ его теорія продѣлываетъ то же самое, что дѣлаютъ всѣ больные и что происходитъ и съ нашимъ сознательнымъ мышленіемъ вообще, а именно—раціонализацію, какъ называетъ ее Джонсъ, для прикрытія безсознательнаго мотива. При этомъ Адлеръ настолько послѣдователенъ, что даже считаетъ самымъ сильнымъ мотивомъ полового акта желаніе указать женщинѣ свое превосходство, быть сверху. Я не знаю, защищаетъ ли онъ эту нелѣпосгь и въ своихъ трудахъ.

Психоанализъ давно открылъ, что невротическій симптомъ обязанъ своимъ существованіемъ компромиссу. Поэтому онъ долженъ такъ или иначе удовлетворять притязаніямъ управляющаго вытѣсненіемъ „я", долженъ доставлять выгоду, допускать полезное примѣненіе, иначе онъ подвергся бы той же участи, что и первоначально отклоненное влеченіе. Терминъ „выигрышъ отъ болѣзни" считался съ этимъ фактомъ; правильно было бы различать первичный выигрышъ для „я", дѣйствительный уже при возникновеніи симптома, отъ „вторичной" части этого выигрыша, которая присоединяется къ остальнымъ намѣреніямъ „я" въ случаѣ, если симптомъ оказывается длительно—стойкимъ. Также давно ужъ извѣстно анализу, что лишеніе этого выигрыша отъ болѣзни или совершенное прекращеніе его, вслѣдствіе измѣненія реальной жизни, является однимъ изъ моментовъ исцѣленія отъ симптома. Эти то легко поддающіяся установленію и вполнѣ понятныя отношенія главнымъ образомъ подчеркиваются ученіемъ Адлера. При этомъ совершенно упускается изъ виду, что „я" безчисленное множество разъ просто

дѣлаетъ изъ нужды добродѣтель, прямиряясь съ нежелательнымъ, навязаннымъ ему симптомомъ изъ за связанной съ нимъ выгоды напр., пользуясь страхомъ, какъ защитительнымъ средствомъ. „Я“ играетъ при этомъ смѣшную роль глупаго „рыжаго“ въ циркѣ, который своими жестами желаетъ внушить зрителямъ, что всѣ перемѣны на аренѣ совершаются только по его командѣ. Но лишь самые юные зрители вѣрятъ этому.

Вторую составную часть ученія Адлера психоанализъ долженъ отстаивать, какъ свое собственное достояніе. Это не что иное, какъ психоаналитическое познаніе, которое авторъ почерпалъ изъ всевозможныхъ доступныхъ ему источниковъ въ теченіе десятилѣтней совмѣстной работы и затѣмъ, измѣнивъ номенклотуру, объявилъ своей собственностью. Я самъ, напр., считаю слово „Sichreûng“ (обезпеченіе) болѣе подходящимъ, чѣмъ употребленное мною „Schûtzmassregel“ (мѣра предосторожности), но я не нахожу въ немъ никакого новаго смысла. Точно также въ положеніяхъ Адлера окажется много давно извѣстныхъ чертъ, когда, напр., вмѣсто «выдуманный, фиктивный, фикція» употребить первоначальное „фантастическій, фантазія“. На тождественность этихъ понятій психоанализъ указывалъ бы и въ томъ случаѣ, если бы даже авторъ не участвовалъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ общей работѣ.

Третья часть ученія Адлера—перетолковываніе и искаженіе неудобныхъ аналитическихъ фактовъ—содержитъ то, что окончательно отдѣляетъ отъ анализа нынѣшнюю „индивидуальную психологію“. Основная мысль Адлеровской системы, какъ извѣстно, гласитъ: цѣль самоутвержденія индивидуума, его «воля къ власти» проявляется доминирующимъ образомъ въ формѣ „мужескаго протеста“ въ образѣ жизни его, въ образованіи характера и въ неврозѣ. Этотъ мужеской протестъ—главный двигатель у Адлера—однако есть не что иное, какъ отдѣленное отъ своего психологическаго механизма вытѣсненіе, которое къ тому же еще сексуализируется, что плохо согласуется съ знаменитымъ лишеніемъ сексуальности ея роли въ психической жизни. Мужской протестъ навѣрное существуетъ, но при образованіи изъ него основного двигателя психическихъ процессовъ наблюденіе сыграло лишь роль доски для прыганія, отъ которой нужно отдѣлиться, чтобъ подняться выше. Возьмемъ одну изъ основныхъ ситуацій страстнаго инфантильнаго желанія, наблюденіе ребенкомъ полового акта между взрослыми. Анализъ въ такихъ случаяхъ показываетъ у тѣхъ лицъ, исторіей жизни которыхъ впослѣдствіи приходится заниматься врачу, что въ тотъ моментъ малолѣтними зрителями владѣютъ два побужденія: одно, если это мальчикъ, стать на мѣсто активнаго мужчины и другое, противоположное стрем-

леніе отождествить себя съ страдающей женщиной. Оба эти стремленія вмѣстѣ исчерпываютъ возможности наслажденія, которыя даетъ эта ситуація. Только первое стремленіе можно подвести подъ мужской протестъ, если за этимъ понятіемъ вообще сохранить какой нибудь смыслъ. А второе стремленіе, о судьбѣ котораго Адлеръ не безпокоится или котораго онъ даже не знаетъ, и есть то, которое имѣетъ куда большее значеніе для позднѣйшаго невроза. Адлеръ настолько цѣликомъ ушелъ въ ревнивую ограниченность „я", что считается только съ тѣми влеченіями, которыя пріемлемы для „я" и поддерживаются имъ. Но какъ разъ случай невроза, гдѣ эти побужденія сопротивляются „я", лежитъ внѣ его горизонта.

При, ставшей благодаря психоанализу неизбѣжной, попыткѣ установить связь между основнымъ принципомъ ученія и душевной жизнью ребенка, у Адлера оказались самыя тяжелыя уклоненія отъ дѣйствительныхъ наблюденій и самая глубокая спутанность понятій. Біологическій, соціальный и психологическій смыслъ „мужскаго и „женскаго" смѣшались при этомъ въ самую безнадежную смѣсь. Невозможно и отвергается наблюденіемъ, чтобы ребенокъ — мальчикъ или дѣвочка — начерталъ планъ своей жизни, основываясь на первоначальномъ презрѣніи къ женскому полу и руководящей жизненной линіей своего поведенія сдѣлалъ желаніе: хочу стать настоящимъ мужчиной. Ребенокъ первоначально и не подозрѣваетъ значенія различія половъ и исходитъ скорѣе изъ предположенія, что у обоихъ половъ одинаковыя (мужскія) гениталии; онъ начинаетъ свои сексуальныя изслѣдованія не съ проблемы различія половъ и совершенно далекъ отъ соціальной низкой оцѣнки женщины. Существуютъ женщины, въ неврозѣ которыхъ желаніе быть мужчиной не играть ни какой роли. То, что можно констатировать относительно мужского протеста, сводится легко къ нарушенію первоначальнаго нарцизма угрозой кастраціей, respective, къ первымъ запретамъ половой дѣятельности. Всякій споръ о психогенезѣ неврозовъ долженъ разрѣшиться на почвѣ дѣтскихъ неврозовъ. Тщательный анализъ невроза въ раннемъ дѣтствѣ кладетъ конецъ всѣмъ ошибкамъ въ отношеніи этіологіи неврозовъ и сомнѣніямъ въ роли сексуальныхъ влеченій. Поэтому Адлеръ въ своей критикѣ работы Юнга „Konflikte der kindlichen Seele" долженъ былъ прибѣгнуть къ подтасовкѣ, что матеріалъ этого случая, вѣроятно, былъ односторонне подобранъ отцомъ.[1])

Я не буду дальше останавливаться на біологической сторонѣ теоріи Адлера и не стану изслѣдовать, дѣйствительно ли конкретная недостаточность органовъ или субъектив-

[1]) Zentralblatt f. Psychoanayse, Bd. I, S. 122.

ное ощущеніе послѣдней - неизвѣстно, что изъ двухъ — въ состояніи служить основой Адлеровской системы. Умѣстно будетъ только замѣчаніе, что въ такомъ случаѣ неврозъ былъ бы побочнымъ результатомъ всеобщаго вырожденія, между тѣмъ, какъ наблюденіе учитъ, что огромное большинство безобразныхъ, уродовъ, калѣкъ и убогихъ не реагируетъ на свои недостатки развитіемъ невроза. Я оставляю также въ сторонѣ и интересную новость о перемѣщеніи чувства малоцѣнности въ дѣтство. Она показываетъ намъ, подъ какой масъ анализѣ, всплываетъ въ индивидуальной психологіи. Но зато я обязанъ указать, какъ всѣ психологическія кой моментъ инфантилизма, столь сильно подчеркиваемый пріобрѣтенія психоанализа пропадаютъ у Адлера даромъ. Безсознательное является еще въ „Nervöse charakter", какъ психологическая особенность, но безъ всякаго отношенія къ системѣ. Позднѣе онъ вполнѣ послѣдовательно объявилъ, что ему безразлично сознательно ли представленіе или безсознательно. Для вытѣсненія не нашлось у Адлера съ самаго начала никакого пониманія. Въ рефератѣ объ одномъ докладѣ въ вѣнскомъ ферейнѣ (февраль 1911 г.) значится: „на примѣрѣ одного случая указывается на то, что паціентъ не вытѣснилъ своего libido, отъ котораго онъ вѣдь постоянно старался защищаться".[1]) Въ одной вѣнской дискуссіи онъ вскорѣ послѣ того высказалъ слѣдующее: „когда Вы спрашиваете, откуда явилось вытѣсненіе?" — то получаете отвѣтъ: „отъ культуры". Когда же Вы затѣмъ спрашиваете: „откуда явилось культура?" - то Вамъ отвѣчаютъ: „отъ вытѣсненія". Вы видите такимъ образомъ, что дѣло тутъ только въ игрѣ словъ". Маленькій осколокъ остроумія, съ которымъ Адлеръ раскрылъ искусство защиты своего „нервнаго характера" былъ бы вполнѣ достаточенъ, чтобъ указать ему выходъ изъ этого предательскаго аргумента. Тутъ кроется только то, что культура покоится на результатахъ вытѣсненій прежнихъ поколѣній и, что каждому новому поколѣнію приходится оберегать культуру, совершая тѣ же самыя вытѣснененія. Я слышалъ о ребенкѣ, который считалъ себя одураченнымъ и сталъ кричать, потому что на вопросъ: откуда яйца берутся? — получилъ въ отвѣтъ: отъ куръ; на дальнѣйшій вопросъ: откуда берутся куры? - получилъ отвѣтъ: отъ яицъ. И все же тутъ не играли словами, а говорили ребенку правду.

Также жалко и безсодержательно все, что Адлеръ высказалъ о сновидѣніи, этомъ шибо.етѣ психоанализа. Сновидѣніе было для него сначала поворотомъ съ мужской на женскую линію, что означаетъ не что иное, какъ переложеніе ученія объ осуществленіи желаній въ сновидѣніи на языкъ „мужского протеста". Позднѣе онъ находитъ сущность

---

[1]) Korrespondenzblatt № 5, Zürich, April 1911.

сновидѣнія въ томъ, что посредствомъ сновидѣнія человѣкъ въ безсознательномъ состояніи дѣлаетъ для себя возможнымъ то, что сознательно запрещается. Также пріоритетъ на смѣшиваніе сновидѣнія со скрытыми мыслямн его, на которомъ покоится его пониманіе „проспективной тенденціи“ надо приписать Адлеру. Модеръ въ этомъ отношеніи послѣдовалъ за нимъ. При этомъ охотно не замѣчаютъ того, что всякое толкованіе сновидѣнія, явное содержаніе котораго вообще недоступно пониманію, основывается на примѣненіи того самаго толкованія сновидѣній, предпосылки и выводы котораго оспариваютъ. Относительно сопротивленія Адлеръ можетъ добавить, что оно служитъ больному, чтобы настаивать на своемъ передъ врачемъ. Это конечно справедливо, но это то же что сказать: оно служитъ сопротивленію. Но откуда это сопротивленіе возникаетъ и какимъ образомъ такъ выходитъ, что больной можетъ пользоваться его проявленіями въ своихъ цѣляхъ, объ этомъ, какъ о вещахъ, для „я“ неинтересныхъ, не дается далѣе никакихъ поясненій. Не принимаютъ во вниманіе ни подробности механизма симптомовъ и феноменовъ, ни обоснованіе разнообразія картинъ болѣзни и болѣзненныхъ проявленій вообще, такъ какъ все вѣдь служитъ равнымъ образомъ мужскому протесту, самоутвержденію, возвеличенію личности. Система готова, она получилась цѣной необычайной работы перетолковыванія, но за то не дала ни одного новаго наблюденія. Думаю, я показалъ, что съ психоанализомъ она ничего общаго ие имѣетъ.

Картина жизни, которая вырисовывается изъ Адлеровской системы, основана цѣликомъ на агрессивномъ влеченіи; она не оставляетъ мѣста для любви. Приходится удивляться, что столь безутѣшное міровоззрѣніе вообще обратило на себя вниманіе; но не слѣдуетъ забывать, что стонущее подъ игомъ половой потребности человѣчество готово воспринять что угодно, если только въ качествѣ приманки выставить „преодолѣніе сексуальности“.

Отпаденіе Адлера произошло до веймарскаго конгресса 1911 г., послѣ этой даты началось отпаденіе швейцарцевъ. Первыми признаками его были, страннымъ образомъ, нѣкоторыя выраженія Риклина въ популярныхъ статьяхъ швейцарской литературы, изъ которыхъ окружающій міръ узналъ раньше чѣмъ единомышленики специалисты, что психоанализъ преодолѣлъ нѣкоторыя печальныя дискредитировавшія его заблужденія. Въ 1912 г. Юнгъ въ письмѣ изъ Америки хвасталъ, что будто его видоизмѣненія психоанализа преодолѣли сопротивленія у многихъ лицъ, которые до того и слышать о немъ не хотѣли. Я отвѣтилъ, что хвалиться собственно нечѣмъ и что чѣмъ больше онъ будетъ жертвовать добытыми съ такимъ трудомъ истинами психоанализа, тѣмъ скорѣе увидитъ онъ, какъ сопротивленіе будетъ исчезать. Видоиз-

мѣненіе, введеніемъ котораго швейцарцы такъ сильно гордились, было опять таки не что иное, какъ теоретическое затушевываніе сексуальнаго момента. Сознаюсь, съ самаго начала я понималъ этотъ „успѣхъ", какъ слишкомъ далеко идущее приспособленіе къ требованіямъ момента

Оба регрессирующія, уходящія отъ психоанализа движенія, которыя мнѣ теперь приходится сравнивать, обнаруживаютъ сходство и въ томъ, что съ помощью возвышенныхъ принциповъ, словно съ точки зрѣнія вѣчности, отстаиваютъ выгодные для нихъ предразсудки. У Адлера эту роль играетъ относительность всякаго познанія и право личности индивидуально художественными средствами изображать научный матеріалъ. Юнгъ вопитъ о культурно-историческомъ правѣ молодежи сбросить съ себя оковы, которыя пожелала наложить на нее тиранническая, оцѣпенѣвшая въ своихъ воззрѣніяхъ старость.

Аргументы эти нельзя оставить безъ возраженія. Относительность нашего познанія—соображеніе, которое можетъ быть противопоставлено любой научной дисциплинѣ въ такой же мѣрѣ, какъ психоанализу. Оно исходитъ отъ извѣстныхъ реакціонныхъ, враждебныхъ наукѣ теченій современной мысли и претендуетъ на превосходство, которое въ отношеніи къ намъ не имѣетъ оправданія. Никто изъ насъ не можетъ предугатать, каково будетъ окончательное сужденіе человѣчества о нашихъ теоретическихъ исканіяхъ. Имѣются примѣры того, что отрицаніе трехъ ближайшихъ поколѣній исправлялось послѣдующимъ непосредственно за ними и смѣнялося признаніемъ. Каждому въ отдѣльности остается только всѣми силами отстаивать основанное на опытѣ убѣжденіе, послѣ старательнаго прислушиванія къ голосу собственной критики и нѣкоторой доли вниманія къ возраженіямъ противниковъ. Можно быть довольнымъ, если честно вести свое дѣло и не брать на себя роль судьи, которая должна быть предоставлена отдаленному будущему. Подчеркиваніе личнаго произвола въ научныхъ вопросахъ неумѣстно. Оно, очевидно, желаетъ оспаривать научную цѣнность психоанализа, и безъ того уменьшенную предыдущимъ замѣчаніемъ. Кто высоко цѣнитъ научное мышленіе тотъ скорѣе будетъ искать средствъ и методовъ, чтобъ по возможности ограничить факторъ чисто личнаго художественнаго произвола тамъ, гдѣ онъ играетъ еще слишкомъ большую роль. Впрочемъ, слѣдуетъ своевременно вспомнить, что всякая ревностная защита совершенно излишня. Эти аргументы Адлера несерьезны; они примѣняются только по отношенію къ противникамъ, но щадятъ собственныя теоріи. Они не удержали также сторонниковъ Адлера отъ того, чтобы чевствовать въ его лицѣ Мессію, къ появленію кото-

раго чающее человѣчество подготовлялось длиннымъ рядомъ предтечъ. О! Мессія ужъ конечно не представляетъ изъ себя ничего относительнаго

Аргументъ Юнга ad captandam benevolentiam,[1]) основывается на слишкомъ оптимистическомъ предположеніи, что прогрессъ человѣчества, культуры, знанія всегда совершался будто только по прямой линіи. Какъ будто никогда не было эпигоновъ, реакцій и реставрацій послѣ каждой революціи, поколѣній, которыя въ своемъ регрессѣ отказывались отъ завоеваній прежнихъ поколѣній. Приближеніе къ точкѣ зрѣнія толпы, отказъ отъ непріятнаго нововведенія дѣлаютъ напередъ невѣроятнымъ, чтобъ корректура психоанализа Юнгомъ могла претендовать на роль освободительнаго юношескаго подвига. Въ концѣ концовъ рѣшающимъ является не возрастъ героя, а характеръ подвига.

Изъ двухъ разсмотрѣнныхъ здѣсь движеній, несомнѣнно, болѣе значительно Адлера. Абсолютно ложное, оно все же отличается послѣдовательностью и стройностью. Оно все еще основано на ученіи о влеченіяхъ. Видоизмѣненіе же Юнга напротивъ ослабило связь видимыхъ явленій съ влеченіями. Къ тому же, какъ указали его критики (Абрагамъ, Ференчи, Джонсъ), оно настолько неясно, запутано и туманно, что нелегко установить къ нему отношеніе. Съ какой бы стороны не подойти къ нему, надо быть готовымъ къ тому, чтобъ услышать, что неправильно поняли его, и въ концѣ концовъ не знаешь, какъ добиться вѣрнаго пониманія его. Оно само представляетъ себя въ странномъ неустойчивомъ видѣ, то выдавая себя за самое невинное уклоненіе, которое не стоитъ шума, поднятаго вокругъ него, то за новое откровеніе, которое открываетъ въ психоанализѣ новую эру и даже новое міросозерцаніе для всѣхъ

Подъ впечатлѣніемъ противорѣчій между отдѣльными частными и публичными заявленіями послѣдователей направленія Юнга, приходится поставить вопросъ, какая въ этомъ приходится доля собственно на неясность и какая на неискренность. Но нужно сознаться, что представители новаго ученія находятся въ тяжеломъ положеніи. Они оспариваютъ теперь такія вещи, которыя раньше сами защищали и не на почвѣ новыхъ наблюденій, которыя открыли бы имъ что нибудь новое, а вслѣдствіе перетолковываній, благодаря которымъ тѣ же самыя вещи кажутся имъ теперь совсѣмъ не такими, какими они ихъ видѣли раньше. Поэтому они не желаютъ оставить связь съ психоанализомъ, въ качествѣ представителей котораго они стали извѣстны свѣту, но предпочитаютъ объявить, что психоанализъ измѣнился. На мюнхенскомъ конгрессѣ я видѣлъ себя вынужденнымъ освѣтить этотъ по-

---

[1]) Разсчитанный на снисканіе благорасположенія.

лумракъ и объявилъ, что не считаю новшества швейцарцевъ законнымъ продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ созданнаго мной психоанализа. Посторонніе критики (какъ Фуртмиллеръ) уже раньше замѣтили этотъ фактъ и Абрагамъ вѣрно говоритъ, что Юнгъ совершенно уходитъ отъ психоанализа. Я, конечно, охотно готовъ согласиться что всякій имѣетъ право думать и писать, что хочетъ, но онъ не имѣетъ права выдавать это за нѣчто другое, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ.

Подобно тому, какъ изслѣдованіе Адлера принесло нѣчто новое психоанализу, часть психологіи „я", и хотѣло заплатить за этотъ даръ слишкомъ дорогой цѣной, забросивъ всѣ основныя аналитическія ученія, такъ и Юнгъ и его приверженцы связали свою борьбу съ психоанализомъ съ новыми пріобрѣтеніями для него. Они прослѣдили въ деталяхъ, (въ чемъ ихъ опередилъ Пфистеръ) какъ матеріалъ сексуальныхъ представленій изъ семейнаго комплекса и инсцестуознаго выбора объекта обращается на образованіе высшихъ этическихъ и религіозныхъ интересовъ человѣчества, т. е. разъяснили значительный случай сублимированія силъ эротическихъ влеченій и превращеніе ихъ въ стремленія, которыя не приходится болѣе называть эротическими. Это какъ нельзя лучше согласовалось съ ожиданіями психоанализа и отлично могло ужиться съ воззрѣніемъ что во снѣ и неврозѣ можно видѣть регрессивное разрѣшеніе какъ этихъ, такъ и всѣхъ прочихъ сублимированій Но міръ въ возмущеніи поднялъ бы шумъ, что сексуализировали этику и религію Я не могу избѣжать того. чтобъ не „мыслить финально" и не полагать, что сдѣлавшіе это открытіе не чувствовали себя способными устоять передъ этой бурей негодованія. Возможно, она начала бушевать и въ ихъ собственной груди. Предварительное теоретическое развитіе столь многихъ швейцарцевъ такъ же не безразлично, какъ и соціалистическое прошлое Адлера для развитія его психологіи. Вспоминается извѣстный разсказъ Марка Твэна о судьбѣ его часовъ и удивленіе, которымъ онъ заканчивается: „And he used to wonder what became of alle the unsuccesful tinkers and gunsmiths, and shoemakers, and blacksmiths; bút noboby could ever tell him".

Я хочу вступить на путь сравненія и допустить, что въ нѣкоемъ обществѣ живетъ выскочка, который хвастаетъ своимъ происхожденіемъ отъ аристократическаго, но иностраннаго рода И вотъ ему доказываютъ, что его родители живутъ гдѣ нибудь по близости и очень простые люди. Тогда въ его распоряженіи имѣется еще одинъ выходъ и за него онъ и хватается. Онъ не можетъ болѣе отрекаться отъ своихъ родителей, но онъ начинаетъ утверждать что они сами высокаго происхожденія, но впали въ нужду и добы-

ваетъ для нихъ въ услужливомъ вѣдомствѣ документъ о происхожденіи. Я полагаю, что въ этомъ родѣ должны были вести себя швейцарцы. Если этика и религія не должны были быть сексуализированы, а съ самаго начала были чѣмъ то высшимъ, между тѣмъ, какъ происхожденіе этихъ представленій изъ семейнаго и эдиповскаго комплекса казалось неопровержимымъ, то оставался только одинъ выходъ: эти комплексы съ самаго начала не должны были означать то, что они, какъ казалось, выражали, а должны были имѣть тотъ высшій „аналогическій" (по номенклатурѣ Зильбера) смыслъ при которомъ они подошли бы къ ихъ примѣненію въ абстрактныхъ разсужденіяхъ этики и религіозной мистики.

Теперь я готовъ вновь услышать, что я не вѣрно понялъ содержаніе и намѣренія неоцюрихскаго ученія, но я заранѣе протестую противъ того, чтобы возраженія противъ моего пониманія, которое вытекаетъ изъ публикацій этой школы, выдвигалось, какъ обвиненіе противъ меня, а не противъ нихъ. Никакимъ инымъ образомъ я не могу понять нововведеній Юнга, въ цѣломъ и уловить ихъ связь. Всѣ измѣненія, которыя Юнгъ предпринялъ въ психоанализѣ отражаютъ намѣреніе устранить все предосудительное въ семейномъ комплексѣ, дабы не обрѣсти его вновь въ религіи и этикѣ. Либидо было замѣнено абстрактнымъ понятіемъ, о которомъ можно утверждать, что оно осталось одинаково таинственнымъ и непонятнымъ, какъ для мудрецовъ, такъ и для глупцовъ. Эдиповскій комплексъ понимался только „символически", мать въ немъ означала недостижимое, отъ котораго надо отказаться въ интересахъ культурнаго развитія; отецъ, котораго убиваютъ въ миѳѣ объ Эдипѣ—это „внутренній" отецъ, отъ котораго надо освободиться, чтобы стать самостоятельнымъ. Остальныя части матеріала сексуальныхъ представленій подверглись съ теченіемъ времени такому же перетолковыванію. На мѣсто конфликта между противными „я" сексуальными стремленіями и самоутвержденіемъ „я" выступилъ конфликтъ между „жизненной задачей" и „психической интертностью"; невротическое сознаніе вины соотвѣтствуетъ упреку въ невыполненіи своей жизненной задачи. Такъ создана была новая религіозно-этическая система, которая совершенно такъ же, какъ и система Адлера должна была перетолковывать фактическія данныя психоанализа, исказить или устранить ихъ. Въ дѣйствительности изъ симфоніи міозданія выхватили нѣсколько культурныхъ обертоновъ и вновь прошли мимо первобытно мощной мелодіи влеченій.

Чтобы держаться этой системы, необходимо было абсолютное уклоненіе отъ наблюденій и отъ техники психоанализа. При случаѣ воодушевленіе святымъ дѣломъ допускало также пренебреженіе къ научной логикѣ, напр., когда

Юнгъ находитъ Эдиповскій комплескъ достаточно „специфическимъ“ для этіологіи неврозовъ и признаетъ эту специфичность за инертностью т. е. за самымъ обычнымъ свойствомъ, какъ одушевленныхъ, такъ и неодушевленныхъ предметовъ! При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что „Эдиповскій комплексъ“ представляетъ изъ себя только опредѣленное содержаніе, которымъ измѣряются душевныя силы индивидуума, а самъ не является силой, какъ психическая инертность. Изслѣдованіе каждаго отдѣльнаго человѣка установило и всегда снова установитъ, что сексуальные комплексы въ ихъ первичномъ смыслѣ живы въ немъ. Поэтому изслѣдованіе индидивидуума отошло на задній планъ и было замѣнено обсужденіемъ по указаніямъ изъ области народовѣденія. Скорѣе всего грозила опасность натолкнуться въ раннемъ дѣтствѣ каждаго отдѣльнаго человѣка на первоначальный и неприкрытый смыслъ перетолкованныхъ комплексовъ, отсюда и возникло предписаніе для терапіи по возможности короче останавливаться на этомъ прошломъ и главное вниманіе обратить на возвращеніе къ актуальному конфликту, въ которомъ, однако, самое существенное заключается не въ случайномъ и личномъ, а въ общемъ и именно—въ невыполненіи жизненной задачи. Мы слышали, что актуальный конфликтъ невротика становится понятнымъ и развѣшеннымъ только тогда, когда его сводятъ къ прошлой исторіи больного, идутъ тѣмъ путемъ, который продѣлало его либидо при заболѣваніи. Какой видъ приняла нео-цюрихская терапія при такихъ тенденціяхъ, я могу сообщить со словъ одного больного, который вынужденъ былъ испытать ее на самомъ себѣ. „На этотъ разъ и помину не было о томъ, чтобъ обратить вниманіе на прошлое и переносъ (Übertragung). Тамъ, гдѣ я полагалъ найти его, его выдавали за чистый символъ libido. Моральныя поученія были очень хороши и я жилъ согласно имъ, но не подвинулся ни на шагъ впередъ. Мнѣ было еще непріятнѣе, чѣмъ ему, но что же мнѣ было дѣлать?.. Вмѣсто того, чтобъ путемъ психоанализа освобождать, каждый сеансъ приносилъ новыя огромныя требованія, съ выполненіемъ которыхъ было связано преодолѣніе невроза, напр. внутренней концентраціи посредствомъ интроверсіи, религіознаго самоуглубленія, совмѣстной жизни съ моей женой въ полной любви и преданности. Это было почти свыше силъ, но вѣдь имѣлось въ виду радикальное преображеніе всего внутренняго человѣка. Я уходилъ изъ аналитическаго сеанса съ чувствомъ сокрушенности и съ лучшими намѣреніями, но одновременно въ глубокой безнадежности. То, что онъ мнѣ рекомендовалъ, посовѣтовалъ бы любой священникъ, но откуда взять силы?“. Правда, паціентъ сообщаетъ, что онъ слышалъ, что нуженъ предварительный анализъ прошлаго и переноса. Ему было сказано, что этого

анализа съ него достаточно. Такъ какъ онъ однако не помогъ, то мнѣ кажется правильнымъ заключеніе, что паціентъ недостаточно подвергался анализу перваго рода. Ни въ коемъ случаѣ не помогла больше послѣдовавшая затѣмъ часть леченія, которая не имѣетъ болѣе никакихъ правъ на названіе психоанализа. Приходится удивляться, что понадобился цюрихцамъ долгій обходной путь черезъ Вѣну, чтобъ, наконецъ, попасть въ столь близкій имъ Бернъ, гдѣ Дюбуа лечитъ неврозы этическимъ ободреніемъ въ мягкой формѣ.

Полное расхожденіе этого новаго направленія съ психоанализомъ сказывается, конечно, также и въ трактованіи вытѣсненія, которое едва упоминается въ трудахъ Юнга, въ недостаточной оцѣнкѣ сновидѣній, которыя онъ, подобно Адлеру, отказавшись отъ психологіи сновидѣній, смѣшиваетъ съ скрытыми мыслями сновидѣнія, въ отсутствіи пониманія безсознательнаго,—короче говоря, во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, съ которыми связана сущность психоанализа. Когда слышишь отъ Юнга, что „инцесткомплексъ" надо понимать только символически, что вѣдь реально онъ не существуетъ, вѣдь дикарь не чувствуетъ никакого влеченія къ старухѣ, но предпочитаетъ молодую и красивую женщину, то хочется допустить, что слова „символически" и „отсутствіе реальнаго существованія" означаютъ именно то, что въ психоанализѣ называется „безсознательно существующимъ", если принять во вниманіе его проявленія и патогенное дѣйствіе, и что такимъ образомъ т. е. прибѣгая къ слову „символически" хотятъ разрѣшить кажущееся противорѣчіе между безсознательно существующимъ комплексомъ и отсутствіемъ его „реальнаго существованія" въ сознаніи.

Если имѣть въ виду, что сновидѣніе есть нѣчто иное, чѣмъ скрытыя мысли сновидѣнія, которыя оно перерабатываетъ, то не придется удивляться, что больные видятъ во снѣ тѣ вещи, которыми заполнили ихъ мысли во время леченія, будь то „жизненныя задачи" или „нахожденіе сверху или снизу". Конечно, можно направлять сновидѣнія анализируемыхъ подобно тому, какъ можно влiять на сновидѣнія экспериментально воспроизведенными раздраженіями. Можно заранѣе опредѣлить часть матеріала, который имѣется въ сновидѣніи; сущность и механизмъ сновидѣнія отъ этого не мѣняются. Не вѣрю также и тому, что такъ называемые „біографическіе" сны развиваются внѣ анализа. Напротивъ, если анализировать сновидѣнія, которыя имѣли мѣсто до леченія, или, если обратить вниманіе на то, что видящій сны привноситъ къ побужденіямъ, которыя даютъ получаемымъ имъ во время леченія, или, если наконецъ, избѣгнуть постановки такихъ задачъ, то можно убѣдиться, какъ далеко сновидѣніе отъ того, чтобъ дѣлать попытки разрѣшенія жиз-

ненной задачи. Вѣдь сновидѣніе, только форма мышленія; пониманія этой формы никогда нельзя добиться изъ содержанія его мыслей, къ этому ведетъ только оцѣнка работы сновидѣнія.

Фактическое опровержение недоразумѣній Юнга и его уклоненій отъ психоанализа не трудно. Каждый правильно проведенный анализъ, особенно же анализъ ребенка, укрѣпляетъ убѣжденія, на которыхъ основывается теорія психоанализа и опровергаетъ перетолковыванія системы, какъ Адлера, такъ и Юнга. Юнгъ самъ въ пору до своего „просвѣтленія" провелъ и опубликовалъ такой анализъ ребенка, и остается выждать, не предприметъ ли онъ новаго толкованія его съ помощью „однороднаго направленія фактовъ", (какъ гласитъ относящееся сюда выраженіе Адлера.)

Тотъ взглядъ, что сексуальное изображеніе „высшихъ" мыслей въ сновидѣніи и неврозѣ есть не что иное, какъ архаическая форма выраженія мыслей, конечно, несовмѣстимъ съ тѣмъ фактомъ, что эти сексуальные комплексы въ неврозѣ являются носителями тѣхъ количествъ либидо, которыя отняты отъ реальной жизни. Если бы дѣло шло только о сексуальномъ жаргонѣ, то отъ этого въ экономіи либидо ничто не могло бы измѣниться. Юнгъ самъ признаетъ еще это въ своей „Darstellüng der psychoanalystichen Theorie" и формулируетъ въ качествѣ терепевтической задачи требованіе, чтобъ отъ этихъ комплексовъ либидо было отторгнуто. Но это никогда не удастся затушевываніемъ ихъ и требованіемъ сублимированія, а только подробнѣйшимъ разборомъ ихъ и приведеніемъ ихъ въ сознаніе въ полномъ объемѣ. Первая частица реальности, съ которой больному приходится считаться, — это именно его болѣзнь. Старанія отвлечь его отъ этой задачи указываютъ на неспособность врача помочь ему въ преодолѣніи сопротивленій или на страхъ врача передъ результатами этой работы.

Въ заключеніе я хотѣлъ бы сказать, что Юнгъ своей „модификаціей" психоанализа далъ нѣчто вродѣ знаменитаго ножа Лихтенберга. Онъ перемѣнилъ рукоятку и всадилъ въ нее новый клинокъ, но должны ли мы считать этотъ инструментъ прежнимъ только потому, что на немъ вырѣзано то же клеймо?

Я полагаю, что мнѣ удалось доказать, что новое ученіе, которое хотѣло бы стать на мѣсто психоанализа, означаетъ отреченіе отъ анализа и отпаденіе отъ него. Можетъ быть будутъ склонны опасаться, что это отпаденіе будетъ болѣе роковымъ для его судьбы, чѣмъ всякое другое, такъ какъ оно исходитъ отъ лицъ, которыя играли такую большую роль въ движеніи и въ столь значительной степени способствовали его развитію. Я не раздѣляю этого опасенія.

Люди сильны пока зашищаютъ великую идею; они становятся безсильными, когда идутъ противъ нея. Психоанализъ перенесетъ эту потерю и взамѣнъ этихъ сторонниковъ пріобрѣтетъ другихъ. Я могу только закончить пожеланіемъ, чтобы судьба даровала удобный подъемъ всѣмъ тѣмъ, кому стало неуютно пребываніе въ преисподней психоанализа. Другимъ пусть будетъ предоставлено безъ помѣхи довести до конца ихъ работу въ глубинѣ. (Февраль 1914 г.).

Книгоиздательство „ПСИХЕ"

ПЕЧАТАЕТСЯ:

1. О Нарцизмѣ — соч. проф. З. Фрейда.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

1. Психологія любви. Соч. проф. З. Фрейда.
2. Аутистическое мышленіе. Проф. Е. Блейлера.
3. Тотемъ и табу. Проф. З. Фрейда.
4. Лекціи. Проф. З. Фрейда.
5. Поэтъ смерти. Всеволодъ Гаршинъ, д-ра М. В. Вульфа и др.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Одесское Кооперативное Товарищество Печатнаго Дѣла „ОСВОБОЖДЕНІЕ ТРУДА"

Одесса, Дерибасовская 16.